

Александр ВАРГО

ОБИЖЕННАЯ

*...не дай Бог мечты
начнут сбываться...*

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Обиженная

«ЭКСМО»

2012

Варго А.

Обиженная / А. Варго — «Эксмо», 2012 — (MYST. Черная книга 18+)

Адвокат Андрей Белов покупает дом и переезжает в него вместе с мамой и дочерью Аллой. Красивый двухэтажный особняк, живи да радуйся. Правда, риелтор категорически не советовал Белову покупать этот дом, поскольку в нем умер человек и дом завоевал дурную славу. Как-то Беловых посещает юродивая Ксения и случайно оставляет в доме черную шкатулку. Вещица попадает в руки Аллы, и с ребенком начинает происходить нечто необъяснимое. А позже выяснилось, что шкатулка обладает дьявольским свойством исполнять любые желания...

© Варго А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	5
Часть II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Варго

Обиженная

Все имена и географические названия в данном произведении являются вымыслом автора, и их малейшее совпадение с реальными событиями является случайностью.

Часть I

Ящик Пандоры

В древнегреческих мифах Пандора (от греч. «всем одаренная») – жена Эпиметея, младшего брата Прометея. От мужа она узнала, что в доме есть ларец, который ни в коем случае нельзя открывать. Если нарушить запрет, весь мир и его обитателей ждут неисчислимые беды. Поддавшись любопытству, она открыла ларец, и беды обрушились на мир.

Древнегреческая легенда

Мешок желания не имеет дна.

Русская пословица

* * *

Проезд к дому перегораживал шлагбаум, и Хома не рискнул проехать во двор на своей машине. Точнее, не на своей. Он угнал сиреневую «десятку» полтора часа назад на Черногогорской улице. Охранник, толстый, обильно потеющий мужик, напоминающий огромную сардельку, которую каким-то непостижимым образом втиснули в черную униформу, то и дело сверял со списком номера въезжающих автомобилей. Вместе с тем Хома отметил, что на пеших граждан толстяк едва ли обращает внимание.

Вздыхнув глубже, он скользнул кончиками пальцев по накладным усам и как можно беззаботнее зашагал вперед. Проходя мимо будки секьюрити, Хома почувствовал учатившееся сердцебиение, но одновременно с этим на его лице застыло выражение такой ленивой невозмутимости, что охранник лишь едва мазнул по нему своим равнодушным взглядом.

Подойдя к нужному подъезду, Хома вытащил небольшую замшевую ключницу и быстро нашел в ней кодовую «таблетку». Индикатор на хромированной панели с готовностью подмигнул ему своим рубиновым глазком, и он потянул на себя массивную дверь. Вскоре Хома был возле той самой квартиры. Прежде чем приступить к делу, он почти минуту стоял в полной неподвижности, к чему-то прислушиваясь. Затем перевел взгляд на толстую металлическую дверь.

«Ну, Вероника, – подумал он о своей давнишней наводчице. – Если не лоханулась с клиентом, побалую тебя мятными пряниками». Это, конечно, была шутка. Если все выгорит, как он предполагал, то лишь накинёт старой карге пару процентов от «выручки».

Несмотря на сложный механизм замка, Хома справился с ним буквально за две минуты, и лишь струйка пота, прочертившая блестящую дорожку на его виске, свидетельствовала об огромном внутреннем напряжении. Наконец в замке что-то тихо щелкнуло, и Хома с облегчением вздохнул. Он вошел внутрь и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Первым делом посмотрел на датчик охранной сигнализации. Тот сонно помаргивал лампочкой, значит, работа велась в обычном режиме, и можно продолжать задуманное. Хома вытер взмокший лоб. Он бы с радостью содрал с себя этот идиотский парик с усами, но хорошо

понимал, что сделать это можно будет только после того, как он окажется в угнанной «десятке» с уловом, который, как он очень надеялся, будет весьма и весьма ценным. Он вытащил из кармана резиновые перчатки и стал их натягивать, осторожно расправляя складки.

Для Жени Коляскина, а местный уголовный мир его знал как Хому, это был уже далеко не первый скок¹. Он всегда работал без напарников, если не считать Веронику – полуслепшую старуху-гадалку, причислявшую себя к роду потомственных ведьм со всеми сопутствующими атрибутами: приворотами, стеклянными шарами, вонючими отварами из хорьков и прочим маразматическим бредом. Но люди велись на это, как глупый карась на крючок, и Вероника не бедствовала. Хома скептически относился ко всем этим «стекляшкам» с «заговоренной водичкой», но одного у старой клюшки отнять было нельзя – она буквально сердцем чуяла состоятельных людей и даже помогала ему вычислять наиболее удобное время для его «работы». Естественно, Хома отстегивал Веронике определенный процент за подобного рода услуги, так что все было, как говорится, на мази. Верил Хома, что и сегодняшний день принесет ему удачу.

Однако беглое обследование огромной квартиры его разочаровывало с каждой минутой все больше и больше. Пока единственное, чем он смог поживиться, – это ювелирка жены хозяйина хаты, но как-то все это было негусто... В одном из ящиков комода он обнаружил пару кредитных карт, но, судя по всему, просроченных. Он огляделся, нахмурившись. Может, Вероника ошиблась? Странно, проколов с ее стороны еще пока не было.

Вор прошелся еще раз по комнатам и остановился в той, которая была оборудована под кабинет. Огромный диван, обтянутый мягкой светлой кожей, стоял рядом с журнальным столиком, на котором были в беспорядке разбросаны журналы о финансах и экономике. На широком столе тоже царил беспорядок, клавиатура забрызгана чем-то темным, а монитор был покрыт толстым слоем пыли. Хома присвистнул.

Только сейчас ему неожиданно пришло в голову, что эта квартира, несмотря на весь свой напускной лоск и богатство, таила в себе что-то нехорошее и тревожное. Будто все это внешнее благополучие было настолько хрупким и ненадежным, что было достаточно одного дуновения ветерка, и этот роскошный диван в одну секунду превратится в раздолбанную тахту с торчащими ржавыми пружинами, а дорогуший стол – в гнилую развалюху, за которой квасят алкаши в подвалах. Он подошел ближе к столу, скользнув взглядом по недопитой бутылке джина. Рядом стояла чашка с темными разводами, на дне застыли остатки кофе.

– Вместо чая утром рано выпил водки два стакана, – пробормотал вполголоса Хома. – Вот какой Рассеянный с улицы Бассейной...

Его внимание приковала картина на стене, копия Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Осененный внезапной догадкой, Хома отодвинул край картины, за ней оказался встро-енный в стену компактный сейф.

– Ну, молись, Вероника, – вслух сказал Хома и, выбрав нужные отмычки, принялся возиться с замком. Он пытался и тихонько матерился, но проклятый замок категорически не желал открываться, и в тот момент, когда вор уже был готов признать свое поражение, до его слуха донесся знакомый сладостный щелчок, и дверца сейфа приоткрылась...

В то время, когда Хома с удивлением вертел в руках обнаруженный в сейфе предмет, в подъезд входила молодая пара. Мужчина был явно моложе своей спутницы, на лице читалось напряжение, будто он безуспешно пытался решать в уме сложные уравнения.

– А твой Сашка точно не заявится? А то получится как в анекдоте.

– Нет, – уверенно ответила женщина, вызывая лифт. Эффектная брюнетка с красивым лицом, но красота была холодно-надменной. Искусно подведенные глаза выглядели уставшими. – Раньше восьми он не появится.

¹ Квартирная кража (жарг.).

– Ясно, – промолвил мужчина, невзначай дотронувшись до бедра женщины. Она слегка улыбнулась.

– Я скучала по тебе, Артем, – в голосе женщины чувствовалась тоска.

– И я, – ответил тот, впившись губами в ее ярко накрашенный рот.

Хома с растерянностью глядел на извлеченный из сейфа предмет. Что это, приколы какой-то? На хрена этому богатей такая фиговина? Где бабки? Он нагнулся и на всякий случай еще раз пошарил рукой в темном зеве сейфа. Пусто, как в карманах забулдыги, пропившего всю получку. Только эта гребанная штуковина и больше ничего.

Он уже хотел выругаться, как неожиданно почувствовал, что его парик от ужаса поднимается вместе с волосами – со стороны прихожей послышался звук открываемой двери. Неужели хозяева?!

Рука машинально нащупала в кармане электрошокер. Хома не был сторонником крайних мер, но в его непростой работе случалось всякое... Как-то раз он влез в одну хату через балкон и не спеша принялся за дело. Порылся в комод, шкафу и собрался приняться за стол, как неожиданно узрел, что в комнате не один. На кровати, завернувшись в одеяло, сидела какая-то толстая тетка, в безмолвном ужасе глядя на Хому, ее округлившиеся глаза не уступали своими размерами чайным блюдцам. Хома глупо моргал, пытаясь сообразить, как так получилось, и пока в его черепной коробке со скрежетом крутились шестеренки, толстуха разинула рот и извергла такой душераздирающий вопль, словно ее резали наживую. Этот крик отрезвил Хому, и ему ничего не оставалось, как вырубить эту «сирену». Он знал, как бить в таких случаях – не слишком круто, чтобы «терпила» не очурился, но и достаточно сильно, чтобы отправить человека в отключку.

Но одно дело – баба в количестве одной штуки, перепуганная насмерть, а кто сейчас войдет внутрь? Вдруг их там человек пять? Ну, Вероника, спасибо тебе, кошелка драная... Ведь уверяла, что все будет чисто!

Он лихорадочно оглядел кабинет. Прятаться было попросту негде, и он опрометью бросился в другую комнату. Взгляд остановился на высоченном шкафе-купе, который занимал весь угол гостиной.

Хозяин или хозяйка, а может, и тот и другая, уже вошли в холл. Он слышал их голоса. Мужчина что-то спросил, женщина ответила и рассмеялась, но смех звучал не так уж и радостно.

Стараясь не дышать, Хома на цыпочках прокрался к шкафу и, отодвинув створку, скользнул в море платьев, костюмов и мужских брюк, запутался в них и едва не упал. Он задвинул створку в самый последний момент, перед тем как в комнату вошла женщина, и затаил дыхание. Оставалось только ждать удобного момента, чтобы улизнуть. Хорошо, если их только двое, при необходимости он вырубит обоих. В любом случае он не собирается возвращаться на нары из-за того, что у старой гадалки с возрастом прокисли мозги.

И только потом до Хома дошло, что он забыл закрыть сейф. А предмет, который он там нашел, был все еще в его правой руке. Вор инстинктивно сжал вещь крепче, с удивлением почувствовав, что от нее исходило тепло.

* * *

Дверцы с тихим шипением закрылись, и автобус, мерно урча двигателем, пополз по раскаленной от солнца улице. Окна были плотно закрыты черными занавесками, и внутри салона царил полумрак. Это был ритуальный автобус, который двигался в сторону крематория.

Александр не моргая смотрел на гроб. Его не оставляло ощущение нереальности происходящего. Ведь еще два дня назад он видел Михаила. А теперь вот...

Автобус тряхнуло на повороте, и Александр нервно заерзал. Рука машинально потянулась к браслету. Пальцы с благодарностью коснулись гладкой поверхности, серебро приятно

холодило кожу. Он в который раз удивился про себя, почему даже в жаркую погоду браслет оставался прохладным.

В салоне стояла духота, и мужчина открыл верхний люк, с наслаждением подставив уставшее лицо ворвавшемуся ветерку. Сестра Михаила, высохшая тетка с желтоватым лицом, дремала у окна. Рядом с ней примостился сын – двадцатилетний прыщавый парень с плоским лицом дебила – вот и вся родня Мишки.

Внизу что-то прошелестело, и Александр вздрогнул. Поглядел вниз, прогоняя из подсознания дикую картину – крышка гроба медленно поднимается, и Михаил, вздыхая и постанывая, начинает вылезать наружу, протягивая к нему пожелтевшие пальцы. Вылезает, чтобы закончить тот неловкий разговор.

Конечно, все это полная чушь. Крышка была на месте, но Александр вдруг вспомнил о предмете, запертом в сейфе. Его охватило такое всепоглощающее чувство одиночества, что он с трудом подавил крик, захотелось домой. Домой, немедленно. И какого хрена он сел в автобус? Жди теперь, пока его обратно к моргу привезут... Вообще, это была идиотская затея – тащиться на похороны Мишки. Кто он ему такой? Просто чудик, ботаник-неудачник, с которым его когда-то свела судьба, и он, сам не зная зачем, забрал у него эту штуковину...

С мерным жужжанием в салон через открытый люк влетела оса. Сделав в воздухе несколько кругов, она примостилась на крышку гроба. Александр махнул рукой, прогоняя насекомое, та, недовольно жужжа, поднялась с места и... неожиданно села прямо на шею мужчины.

– Ах ты, тварь, – выругался мужчина, в испуге хлопая себя по шее, но оса уже поднялась в воздух и полетела дальше.

Александр снова стиснул рукой браслет, словно кто-то намеревался его отобрать. Тот самый, который подарила в юности ему мать и который потом, потерявшись, нашелся таким поистине фантастическим образом. Сколько раз он выручал его! Александр надевал его на все крупные сделки, сулившие немалые доходы, брал с собой, когда решался вопрос о новом совете директоров компании, в которой он работал. Точнее можно сказать по-другому. Он вообще его никогда не снимал. А в те моменты, когда решалась его судьба, Александр сердцем чувствовал, как браслет на запястье оживал, словно обволакивал его руку, прижимаясь теснее, вбирая в себя каждый удар пульса, и... все решалось в его пользу.

Вот только в последнее время что-то уж не все у него ладилось.

Между тем оса, которой, видимо, надоело бесцельно кружить в салоне, взяла курс в сторону водителя. Автобус приближался к перекрестку, где зеленый сигнал готовился перейти в желтый. Неожиданно оса, совершив круг над головой водителя, устремилась ему прямо в глаза.

* * *

– Хочешь выпить, Артем?

– Не откажусь, – с готовностью отозвался парень. – А что есть?

– Ты знаешь, где бар. В холодильнике пиво. Есть водка. Я буду шампанское.

«Любовник. Альфонс хренов, – сразу определил про себя Хома, осторожно переступая с ноги на ногу в шкафу. – Только бы в кабинет не заглянули!»

– А где твой благоверный-то? – поинтересовался Артем.

– На похоронах у одного знакомого, – ответила женщина.

Хома услышал звук ударяющихся стаканов, после чего мужчина с пафосом произнес какой-то дурацкий тост, типа «как клево, что судьба столкнула нас», затем послышались звуки поцелуев. «Небось сейчас трахаться начнут», – предположил Хома. Это все, конечно, хорошо, но ему отсюда как-то выбираться нужно.

– А он не заметит, что мы шампанское открыли? – поинтересовался парень.

Женщина хмыкнула:

– Он в последнее время меня не замечает. Ему это шампанское до лампочки. И вообще, почему ты такой трус?

– Я не трус, – обиженно произнес мужчина. – Просто... На фига нам с тобой лишние проблемы, Ева?

– Ага, – с тоскливой безысходностью согласилась с ним женщина. – Только мне это все надоело.

– То есть?

– А вот так. Мы встречаемся, словно какие-то наркоманы в подъезде – ширнуться поскорее и разбежаться, не дай бог, попадемся. Мне уже тридцать восемь, у меня свой ресторан, я хорошо зарабатываю.

– Опять ты за свое, – перебил ее ворчливо Артем и со звоном поставил бокал на стол. – Иди ко мне, вишенка моя.

«Пора двигать отсюда!» – решил Хома. Ну и достанется сегодня Веронике! Уж как минимум за эти предсказания сиськи на спине морским узлом завяжет!

Он уставился на предмет, который извлек из сейфа. Показалось, будто внутри что-то глухо перекачилось. Может, там все же что-то есть?

* * *

Водитель заорал благим матом, схватившись за лицо обеими руками, но оса успела всадить ему в веко жало.

– Что случилось? – всполошилась желтолицая тетка. Ее полоумный сын с идиотским видом озирался по сторонам, словно не мог сообразить, какого рожна он тут вообще очутился.

Автобус резко повело влево. Александр сорвался с места, с трудом удерживая равновесие, – пол в прямом смысле уходил из-под ног.

– Стой! Стой, красный свет! – закричал он, увидев, что они выехали на перекресток, где с обеих сторон уже начали движение автомобили.

– У-у-у, падла! – вопил водитель. Он ткнулся громадным животом в рулевое колесо, и его нога непроизвольно утопила педаль газа до упора вниз. Автобус, взревев, понесся вперед. Послышался пронзительный вой многочисленных клаксонов и визг тормозов.

Александр, спотыкаясь, все же сумел добраться до кабины, в этот момент автобус столкнулся с «Газелью», отбросив ее на несколько метров в сторону, после чего зацепил «Мазду» и оставил на ее сверкающем кузове длинную царапину. Раздался скрежет, тетка истошно закричала, закрыв лицо руками, ее сын был не переставая. Александр в последний момент потянул руль на себя, но было уже поздно, и они на полной скорости влетели в остановку, где полусонные от пекла люди ожидали троллейбус. Катафалк снес столбик ограждения, разметал четверых человек, которые кеглями разлетелись в стороны, разворотил скамейку, на которой сучили двое мальчишек с роликовыми досками, и, качнувшись, словно в замедленной съемке, медленно завалился на бок.

Тетка больше не кричала, теперь был только ее сын, намертво прижатый сиденьем. Александр поднял голову. Из рассеченного лба струилась кровь, левая рука стреляла болью. Рядом стонал и кричал полураздавленный водитель.

В голове Александра крутилась только одна мысль: «Домой. Немедленно домой». Он принялся выбирать к окну. Оно уже было разбито, и несколькими ударами ноги мужчины расширил пространство, достаточное, чтобы вылезть наружу.

Из пробитого радиатора валил дым, на асфальте ширилась темная лужа бензина, наполняя и без того раскаленный воздух невыносимым запахом. Гроб с телом Михаила валялся тут же, крышка разломана надвое, будто ее разрубили топором, и Александр мог видеть застывшее лицо своего друга. Он наклонился, тут же отпрянув. От удара рот покойного открылся, демонстрируя небу мертвый оскал.

«Зуб. Суки, они вырвали его золотой зуб», – пронеслась в голове Александра мысль, когда он увидел дырку в том месте, где еще три дня назад поблескивал зуб из благородного металла.

– Эй! Эй, вы что там, охренели совсем? – раздался откуда-то из пустоты возмущенный голос. Александр медленно повернулся. Истерил водитель «Мазды». Выпивтив нижнюю губу, он сверлил злым взглядом Александра, словно виновником царапины на его машине был именно он.

Вокруг стонали и кричали раненые, которых автобус разметал на остановке. Александр перешагнул через тело одного из мальчишек, которому при ударе почти полностью оторвало руку, и направился к «Мазде».

– Я спрашиваю, вы что там, уже в своем тарантасе поминки начали отмечать? Ты что, огло...

Договорить он не успел, кулак Александра вогнал несказанные слова в рот изумленному автолюбителю вместе с зубом. Второй удар заставил его согнуться пополам. Пинком отбросив обмякшее тело, мужчина сел в салон «Мазды». Из динамиков раздавалось какое-то сюсюканье, Александр вырубил магнитола, захлопнул дверь и повернул ключ зажигания.

– Эй?! Постой! Совсем сбрендил?! Да ты же сядешь за это! – взвизгнул хозяин машины, вытирая окровавленный рот, но Александр уже включил передачу и рванул с перекрестка.

Оса наконец нашла открытый люк, тот самый, через который она влетела в автобус шесть минут назад, и, беззаботно жужжа, улетела прочь.

* * *

Пока Александр, не видя ничего вокруг себя, мчался домой, его жена Ева и Артем занимались любовью. Секс был мгновенным, и женщина даже не почувствовала удовлетворения, но она не стала говорить об этом своему партнеру.

– Почему бы вам не развестись? – спросил Артем, снова наполняя бокалы. Вино тихо шипело, играя крошечными пузырьками. – Сама же говорила, что между вами давно ничего нет.

– А ты? Бросишь семью из-за меня? – холодно спросила Ева. Она сделала глоток шампанского и подошла к окну.

«Сейчас или никогда», – сказал сам себя Хома, которому осточертело сидеть в душном шкафу. Вдобавок у него сильно чесался нос, и он чувствовал, что вот-вот чихнет. Рука нащупала в кармане электрошокер.

– Ты же знаешь, я пока не готов... – начал Артем, но Ева его перебила:

– Да, я знаю. Ты никогда не будешь готов!

Хома вытащил свое оружие и в эту же секунду чихнул, успев закрыть тыльной стороной ладони рот.

– Что это? – с дрожью в голосе спросил Артем.

Ева посмотрела в сторону шкафа, поставив бокал с недопитым вином на столик. И в тот момент, когда Хома собирался выйти, неожиданно для всех открылась входная дверь.

«Во влип. Неужто муж приперся?!» – встревожился вор.

– Кто это? – перепугался Артем.

– Молчи, – приказала ему женщина, хотя даже Хома почувствовал, каких трудов ей стоило держать себя в руках. – Он все равно рано или поздно узнал бы...

– Вот это да, – послышался незнакомый Хоме мужской голос. Точно, муж. Учítывая, какая картина предстала перед его глазами, было по меньшей мере странно, что в голосе супруга сквозило скорее удивление, чем ярость.

– Здравствуй, Саша, – глухо произнесла Ева.

– И тебе не кашлять, дорогая. Замечательно, я смотрю, ты время проводишь! Ты же вроде в налоговую сегодня собралась? Или инспектор сам к нам домой пожаловал? Кто это?

Молчание.

– Ты немой, парень? – обратился он к Артему.

– Откуда у тебя кровь? – задала вопрос Ева.

– Не твое дело!

– Можно, я уйду? – пролепетал Артем.

– Да ладно уж, – неожиданно засмеялся Александр. – Резвитесь дальше, голубки. Боже, нет, вы не голубки, вы кролики сраные. Какие же вы тупые...

Послышался звук удаляющихся шагов, и последние слова Хома едва различил, так как Александр покинул комнату. Он на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как по вискам льется горячий пот. Как ему теперь выбраться?!

В комнате на несколько секунд воцарилась зловещая тишина, затем из коридора раздался взбешенный рык Александра.

– Уходи. Он не в себе, – приказала Ева, и Артем, схватив в охапку свои вещи, ринулся к выходу.

– Это ты взяла? – послышался задыхающийся голос Александра. Хлопнула входная дверь, но он не обратил на это никакого внимания.

– Что взяла? – как можно спокойней поинтересовалась Ева. – Шампанское? Так это я его ку...

– Не шампанское, тупая сука! – завопил Александр. Он шагнул к жене и ударил ее наотмашь.

Хома с превеликой осторожностью отодвинул дверцу шкафа на сантиметр, чтобы видеть происходящее в комнате.

– Не трогай меня! – закричала женщина. На ней была только полупрозрачная маечка. Хома отметил, что даже разозленная, с вздувшейся от оплеухи губой она выглядела чертовски соблазнительно.

Александр ударил женщину ногой в живот, и Ева, охнув, упала на колени.

– Сейф открыт. Слышишь, Ева? Дошло до твоих куриных мозгов? – с какой-то отеческой проникновенностью сказал Александр. – Верни мне то, что ты взяла.

– Я... я ничего не брала... – задыхаясь, проговорила она.

– Врешь, сука! – ревел мужчина. Снова послышался удар и крик боли. – Или это взял твой трахальщик? Где он?

«Неужели он ищет... это?» – Хома потрясенно уставился на предмет, который вытащил из сейфа двадцать минут назад.

– Я даже не знаю, где ключи от сейфа... Саша, прекрати! – просила женщина.

Но Александр зверел буквально на глазах.

– Я всегда, всегда знал, что ты продажная шлюха, – пыхтел он, нанося своей жене удар за ударом. – И воровка к тому же!

– Помогите! – закричала Ева, но тут неожиданно включился телевизор. Передавали какой-то концерт, и уровень громкости быстро пополз вверх, достигнув максимальных децибел. Хоме показалось, что в его уши заколачивают деревянные колья, и он зажмурился, повторяя про себя, что все происходящее наверняка является каким-то кошмаром.

Ударом ноги Александр перевернул столик с косметическими принадлежностями. Многочисленные баночки с кремами и помадами со звоном покатались по всей комнате. От удара Ева перекатилась на живот, ее ладонь легла на длинные ножницы.

– Где моя вещь? Отвечай!!! Или я тебя сожгу прямо здесь! Прямо на кровати, где ты раздвигала ноги перед этим щенком! – орал Александр. Он замахнулся, готовясь нанести очередной удар, но Ева, собрав остатки сил, рванулась к нему и, всхлипнув, ударила мужа ножницами. Острые лезвия прорвали материю брюк и глубоко распороли бедро мужчины. На мгно-

вание Александр застыл с глупой ухмылкой и только потом посмотрел вниз. Из рассеченной артерии на паркет брызнула кровь.

– Посмотри, что ты наделала. Мразь. Это были мои любимые брюки.

Рука неосознанно потянулась к браслету, но, к величайшему ужасу, его там не оказалось. Александр, недоумевая, посмотрел на левую кисть. Браслета не было. Неужели он потерял его во время аварии?!

– Где он? – глупо спросил Александр. – Ты не видела?

Застонав, Ева стала подниматься, но Александр словно очнулся, и его глаза вновь загорелись тупой звериной злобой. Хрюкнув, он вновь ударил жену. Кулак попал прямо в челюсть, раздался хруст, и лицо Евы перекосилось, словно было из пластилина.

– Я обещал тебе! Я обещал и сожгу тебя, б...дь, – бормотал Александр. Он шаркал по полу, топчась в луже собственной крови. – Где мой браслет?!

Оставляя красные отпечатки, он вышел из комнаты и вернулся с бутылкой растворителя. Ева, согнувшись, лежала на полу, длинные волосы почти полностью закрыли ее лицо. Она силилась что-то сказать, но из глотки доносился лишь бессвязный хрип.

– Я в последний раз тебя спрашиваю. Где моя ВЕЩЬ?! – медленно произнес Александр. Он открыл бутылку и вылил жидкость на голову супруги. По комнате поплыл резкий химический запах. Ева закричала, закрыв ладонями глаза.

«Отдай ему это. Выйди и отдай», – неожиданно прозвучал в мозгу Хома чей-то голос, и он тяжело переступил с ноги на ногу. Обливаясь потом, он мучительно размышлял, раздираемый двойственным чувством – инстинктом самосохранения и ненавистью к самому себе, за то, что из-за него сейчас убивают женщину. Да, Женя Коляскин никогда не был законопослушным гражданином, но и спокойно наблюдать за тем, что сейчас происходило, он не мог. Больше всего его сбивало с толку то, что психованный муж этой бабы убивал ее не за измену, а за то, что решил, будто она взяла то, что сейчас находилось в потной руке Хома.

Александр быстро слабел от потери крови, но еще не понимал этого, ему казалось, что Ева слегка поцарапала его ножницами. Между тем его лицо бледнело, а речь становилась сбивчивой и невнятной. Тяжело дыша, он вынул из кармана хромированную зажигалку и крутанул колесико, высекая пламя.

– Считаю это разводом, – сказал он, поднося зажигалку к волосам жены, и они тут же вспыхнули как факел. Нечеловеческий вопль Евы заставил Хому снова зажмуриться, этот полный агонии крик, казалось, сверлил виски, проникая в самый мозг. Не выдержав, он отодвинул створку шкафа.

Александр опустился на пол, чувствуя себя хуже с каждой секундой. А в трех метрах от него корчилась в судорогах, объятая пламенем, Ева. Ее тоненькая маечка тут же пошла пузырями, плавясь вместе с чернеющей кожей, волосы затрещали, как сухие ветки. Она откатилась к окну, и огонь моментально перекинулся на занавеску.

Хома на ватных ногах поплелся к выходу.

– Ты кто? – прошептал Александр, поднимая голову. Он стоял на коленях, кровь продолжала толчками вытекать из раны. Когда он увидел, что держал в руках Хома, в его глазах вспыхнул тусклый огонек понимания. – Это не твое. Отдай.

Он упал перед Хомой, загораживая ему проход. Первым порывом вора было швырнуть то, что просил хозяин квартиры, но какая-то неведомая сила, дремавшая в нем до сих пор, неожиданно воспротивилась этому порыву. Вместо этого он ударил ногой истекавшего кровью Александра, и тот захныкал, словно ребенок. Хома торопливо переступил через его тело и пулей вылетел наружу.

Из квартир уже стали выходить жильцы, с тревогой спрашивая друг друга, откуда несет гарью, и Хома, стараясь казаться как можно незаметнее, выскочил из подъезда. Неподалеку ошивался Артем, то и дело бросая затравленные взгляды наверх.

«Ну дурак!» – ругал себя Хома. Подобных косяков за всю его жизнь еще не было.

* * *

Не прошло и часа, как он был у Вероники. Увидев трясущегося, готового вот-вот на нее наброситься Хому, пожилая женщина в испуге забилась в угол, часто моргая.

– Куда ты меня направила, ведьма? Знаешь, как это называется? – с присвистом спросил Хома. – Телевизор еще не смотрела?

Старуха замотала своей седой растрепанной головой.

– Нету ни хера в этой хате, вот что. А потом еще хозяева вернулись! – топнул ногой Хома. Он с трудом удерживался, чтобы не запустить в птичью голову этой карги предмет, который он унес из квартиры.

– Что это? – спросила Вероника, указывая кривым пальцем на вещь в руке Хома. Тот с идиотским видом опустил голову, словно не понимая вопроса. Это была шкатулка. Самая обыкновенная шкатулка, вырезанная из дерева и со временем почерневшая.

– На память себе взял, – буркнул Хома, про себя гадая, почему все-таки он не оставил эту хреновину в том проклятом доме. Домушник до последнего надеялся, что в ней окажется что-то ценное, но, открыв ее в машине, он убедился, что та пуста.

– Дай посмотреть, – вдруг потребовала Вероника.

Помедлив, Хома протянул шкатулку гадалке. Она вцепилась своими высохшими пальцами в нее, и запавшие глаза блеснули пламенем. Старуха приоткрыла рот, облизывая кончиком языка свои тонкие губы. Вид у нее был... чрезвычайно голодный.

– Ты что-то знаешь? – с подозрением спросил он. Несколько секунд гадалка жадно ощупывала шкатулку, потом вдруг с сожалением протянула ее вору.

– Жаль, я бы оставила ее себе... Забирай. Кажется, она выбрала тебя.

– Что? Ты что, обкурилась? – изумился Хома. – Кто кого выбрал? Ты что несешь?

Но Вероника уже потеряла к нему интерес, махнув рукой, показала, что разговор окончен.

– Тьфу, – в сердцах сплюнул вор. Развернувшись, он быстрым шагом покинул комнату гадалки.

Хома завел машину и еще раз взглянул на шкатулку. Ерунда какая-то. Это дерьмо даже не продашь – кто позарится на подобное фуфло? Перед глазами пронесся фрагмент недавней расправы над женщиной, и его замутило. А мужик-то наверняка тоже копыта откинул – Хома знал, что, если вовремя не оказать помощь, с такими ранами, как у этого нувориша, долго не живут. Его внезапно охватила злость. Выезжая из двора, Хома схватил шкатулку и вышвырнул ее в окно машины. К черту все это.

Он оставил машину в заброшенных гаражах, возле замороженной стройки, перед этим тщательно стерев в салоне все отпечатки. Уже начинало темнеть, и Хома, чрезвычайно уставший, поплелся домой.

«Напиться, что ли», – думал он, снимая с себя парик и отклеивая усы. Вспомнил про шкатулку и вдруг пожалел, что сорвался и выбросил ее. В конце концов, она – улика. И мало ли где теперь всплывет. Может, стоит вернуться к Веронике и потребовать объяснений? Наверняка эта деревяшка все еще валяется на дороге – вряд ли кто-то польстится на эту дешевку.

«Ты забыл о другом. ЗАЧЕМ этот фраер держал ее в сейфе? ДЛЯ ЧЕГО ОНА ЕМУ?!» Этот вопрос сидел в голове занозой, но Хома был настолько измотан, что его мозги категорически отказывались осмысливать происшедшее и делать какие-то выводы. Он спустился вниз по оврагу, перешагивая через гнутые арматурины и строительный мусор, как вдруг где-то слева послышался визгливый лай. Хома вздрогнул и увеличил шаг. Сквозь черные силуэты деревьев мелькнули две тени, и лай раздался снова, на этот раз ближе. «Вот еще хрень какая. Не хватало на стаю голодных шавок наткнуться!» – недовольно подумал вор.

Собака появилась перед ним так неожиданно, что Хома чуть не вскрикнул. Здоровенная темно-серая псина стояла перед ним, низко пригнув свою лохматую голову без одного уха, из пасти доносилось приглушенное рычание. Из кустов вышли еще две собаки. Хвосты у них были низко опущены, глаза с нескрываемой яростью смотрели на Хому.

– Валите отсюда! – рявкнул Хома тоном хозяина – он знал, что собаки боятся уверенного голоса. Сделал вид, что нагнулся в поисках камня, как вдруг сзади что-то зашелестело, он обернулся, и в грудь ударило что-то тяжелое. Он закричал.

Собаки все прибывали. Вор отчаянно извивался, прилагая все силы, чтобы сбросить с себя тела псов, но схватка была явно неравной. Ему удалось нащупать рукой обломок металлического прута, и он ударил одну тварь, разбив ей нос. Собака с жалобным повизгиванием отскочила, но ее место тут же заняла другая, жадно вгрызаясь в тело Хома. Его буквально пожирали живьем. Левая кисть попала в пасть одной из тварей, и он уже не ощущал ее, в животе тоже копошился громадный пес, отвратительно воняя помойкой, материя трещала под острыми зубами, оголяя бледную кожу, в которую мгновенно впивались клыки.

«Какая прекрасная ночь...» – проскользнула в голове Хома совершенно неуместная мысль, и в следующую секунду его незащищенное горло было разорвано.

* * *

Шкатулку в тот же день подобрал молодой человек лет тридцати. Он шел, заметно припадая на одну ногу – у него был протез. Он был худощав, одет неброско, с россыпью прыщей на щеках, оставшихся еще с юношеской поры. Долго вертел ее в руках и, подумав, решил оставить себе. Мужчина бросил ее в пакет, в котором лежала книга по животноводству, пара плюшевых зайцев и буханка белого хлеба, после чего, прихрамывая, зашагал прочь.

Часть II

Лучший способ достигнуть желаемого – пренебречь.
Бальтасар Грасиан-и-Моралес

Мы редко до конца понимаем, чего мы в действительности хотим.
Франсуа де Ларошфуко

Три года спустя.

– Ну, за удачную сделку!

Зазвенели бокалы, и мужчины выпили. Их было двое – один светловолосый, высокий, немного сутулый, слегка смахивающий на вопросительный знак, второй с короткой стрижкой, ниже первого почти на голову, но шире в плечах. Он сделал всего один маленький глоток.

– Вообще-то я на работе не пью, – пояснил он. – Но ради такого случая...

– Андрей, при всем уважении вы не похожи на человека, который каждую неделю приобретает новый дом, – вежливо сказал долговязый. – С другой стороны, я никогда не настаиваю, так что можете не оправдываться.

– Так все же, Вадим, – сказал Андрей, словно вспомнив что-то. – Почему вы так настаивали на других вариантах? По-моему, отличный выбор. И цена вполне подходящая.

Риелтор отпил еще шампанского и кашлянул, вытирая рот.

– Я же вам говорил.

– Ну да, помню. В доме умер мужчина, вроде отец собственника. Так это не проблема, батюшку из церкви приглашу, пускай водичкой своей побрызгает.

– Хотите честно? Просто не нравится мне этот дом! – отчеканил риелтор.

Андрей рассмеялся, смех звучал искренне и заразительно, глядя на него, Вадим тоже непроизвольно улыбнулся.

– Впервые встречаю риелтора, который не расхваливает свой товар, – отсмеявшись, сказал Андрей. – Простите, но мне казалось, что для вас главное впарить квартиру или дом, а там хоть Всемирный потоп.

– Бывает и такое, – Вадим допил шампанское, а Андрей потянулся к столу за жевательной резинкой. – Но мне важна моя репутация, меня многие знают в этом городе. Кроме того, каждый товар имеет свои темные пятна, Андрей. Все зависит от того, как скоро ты их обнаруживаешь. Поверьте, некоторые могут прожить жизнь и даже не заметить их, хотя они все время перед глазами.

– Ладно, меня ждут, – сказал Андрей, поднимаясь из-за стола. Ему были неинтересны философские рассуждения своего визави. – Если что, вы знаете, как меня найти.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись.

* * *

Андрей сел в «Форд Мустанг» и, выбросив потерявшую свой вкус жвачку в пепельницу, повернул ключ зажигания. Ему пришла в голову мысль о том, что «Орбит» вряд ли сможет отбить вкус шампанского, попадись ему на пути «торговцы полосатыми палочками», гаишники то бишь, обязательно бы учуяли запах. И вообще, от этих жвачек никакого толку – знакомый стоматолог как-то поведал ему, что польза от жевания (в плане очистки зубов) совсем незначительная, и максимум после минуты использования резинку можно смело выплевывать, так как потом от нее только вред.

«Просто не нравится мне этот дом», – пронеслись в памяти мужчины слова риелтора, и он усмехнулся про себя. Просто так не бывает. И он, как юрист, прекрасно знал это. Всему есть объяснение.

– Мы едем домой? – неожиданно заинтересовалась пожилая женщина, сидящая на заднем сиденье. Она осторожно поддерживала задремавшую девочку лет восьми-девяти, на голове которой была повязана фиолетовая бандана, и заметно волновалась.

Андрей кивнул.

– Как там твой Маркиз? – спросил он.

Женщина глянула за плечо, где в переносной сумке сидел рыжий кот.

– Он тоже волнуется, но все будет хорошо.

Мужчина кивнул, разделяя оптимизм матери, и автомобиль выехал на улицу.

Андрей Белов не без гордости считал себя весьма успешным адвокатом, поднимался по карьерной лестнице исключительно вверх. Случались и незначительные падения, но они, как показывает жизнь, тоже необходимы – не будет их, не будет и взлетов.

После института он, невзирая на уговоры друзей и родных, отправился служить на Урал. Отдав закрепленный в Конституции свой долг Родине, сразу после армии поехал в Ставрополь к своей любимой (Вера еще до армии покорила его сердце) и начал работать помощником юриста. Вечерами вместо отдыха он зубрил кодексы, анализировал судебную практику и вел дневник по наиболее значимым процессам. Вскоре они с Верой поженились, и спустя полтора года на свет появилось чудесное создание с белокурыми волосами, которое они нарекли Аллочкой. В то же время Андрей, поднабравшись опыта, блестяще сдал квалификационный экзамен, стал независимым юристом, и сам принялся набирать себе помощников. Он обладал превосходной памятью, аналитическим складом ума и с легкостью просчитывал ходы своих оппонентов на много шагов вперед, что позволило ему в короткие сроки добиться значительных успехов. Выиграв несколько резонансных дел, он все чаще подумывал о том, чтобы переехать с семьей к своей матери, которая в то время жила в Ростовской области, тем более она все время звала их к себе.

Отец Андрея погиб, когда тот еще был совсем карапузом: на охоте случайно подстрелил его же друг. Шел загон кабана, и «друг», не разобравшись, пальнул по кустам, услышав там какое-то движение. Отец умер мгновенно – картечь разнесла ему все лицо. Невольного убийцу осудили на три года, он раскаялся, клятвенно обещал помогать семье Андрея, но на зоне подхватил туберкулез и умер, так и не успев выйти на свободу.

Однако в какой-то момент в наладившейся жизни Андрея все пошло наперекосяк, словно кто-то, ответственный за разбавление меда дегтем, в сумерках перепутал емкости и с лихвой наполнил бочку Андрея черной, тягучей массой. Началось все с того, что у Аллочки при плановом медицинском обследовании неожиданно диагностировали зарождающуюся раковую опухоль в голове. После длительного обследования девочку привезли в Москву и поместили в самую лучшую клинику. К счастью, интенсивное лечение и череда сеансов химиотерапии сделали свое дело и нейтрализовали мерзкий зародыш, тогда Андрей с облегчением вздохнул. Семья вернулась в Ставрополь, но он рано радовался. Полностью погрузившись в проблемы дочери, Андрей все меньше уделял внимания Вере, как потом оказалось, совершенно напрасно. К тому времени она, и так не обремененная работой и домашними делами, в свете последних событий с дочерью потихоньку пристрастилась к бутылке. Вначале были «невинные» пару бокалов вина перед сном, со временем доза постепенно увеличивалась, превратившись в одну, потом в две бутылки. Андрей с изумлением пришел к выводу, что его жена, некогда обворожительная и жизнерадостная Верочка, попросту спивается.

Это не могло ускользнуть и от Аллы, которая часто была свидетелем отвратительных пьяных сцен. Однажды Белов фактически спас супругу от смерти, когда случайно обнаружил ее спящей в сугробе рядом с домом. Соседи посмеивались, кто-то крутил у виска пальцем, да Андрей и сам чувствовал, что дальше так продолжаться не может. Ситуация окончательно вышла из-под контроля, когда Вера как-то бросила в мусорное ведро непотушенную сигарету,

ведро загорелось, далее огонь перекинулся на полотенце, потом на занавеску... Тогда их дом чудом не сгорел – Андрей, словно почуяв беду, сломя голову понесся домой.

Имели место и случаи рукоприкладства жены по отношению к Алле, и в какой-то момент терпение Белова лопнуло. Он поставил жене ультиматум – лечение или развод. Были слезы, ругань, снова слезы, уверения в «завязке», снова ругань... Вера дважды ложилась в больницу, кодировалась, но каждый раз срывалась, и все начиналось по спирали заново.

Андрей подал на развод, и через какое-то время они стали свободными друг от друга людьми. Алла осталась с Андреем, но Вере, казалось, это было уже до лампочки. Собственно, и дочь достаточно равнодушно отнеслась к их расставанию. После этого мать Андрея, Елизавета Ивановна, с удвоенной силой принялась звать его к себе. Так совпало, что один из его бывших сокурсников, Иван Дымков, став к тому времени начальником ГУВД Ростова, узнал об Андрее. После некоторых переговоров с местной властью Белову было сделано предложение возглавить местную коллегия адвокатов. Андрей не мешкал ни секунды и срочно занялся поиском подходящего жилья, параллельно решая вопрос устройства Аллы в школу.

Он снова прокрутил в голове слова Вадима, который отговаривал его от покупки дома. Вариантов и вправду была масса, но почему-то именно этот дом приглянулся ему. Алле он тоже пришелся по вкусу. Небольшой, компактный двухэтажный особняк, с красивой высокой крышей, баней и просторным гаражом. И располагался он, что называется, лучше не придумать: вдали от шумной трассы, рядом лес, только руку протяни, озеро неподалеку, чистое и прозрачное, как слеза. То, что нужно сейчас Алле. Правда, дом после смерти хозяина был немного подзапущен, и наследник, хмурый мужчина средних лет, буквально на днях вывез оттуда все, что имело хоть какую-то ценность.

В ходе оформления сделки Андрей потребовал от риелтора полную выкладку истории по своему будущему жилищу, так как знал на личном опыте, что малейшая ошибка в подобных делах чревата самыми худшими последствиями – то наследник какой-нибудь нарисует, то интересы детей забыли учесть и тому подобное. В итоге он узнал, что в доме когда-то жила небольшая семья, но после смерти хозяина все ее члены приняли решение расселиться. По какой именно причине умер хозяин дома, Андрей не хотел знать, его устраивало хотя бы то, что это было не убийство.

У дверей дома их уже ждали рабочие.

– Они что, будут здесь что-то ремонтировать? – с тревогой спросила Елизавета Ивановна.

– Так, по мелочи. Не волнуйся, я договорился, чтобы они нам не мешали, – ответил Андрей, паркуя автомобиль. – Они скоро закончат.

– Мы могли бы спокойно пожить это время в моей квартире, – поджав губы, сказала мать. Андрей заметил, что она была явно не в восторге от того, что на территории их нового жилья будут какое-то время находиться посторонние.

Алла проснулась, сонно хлопая ресницами. Бандана чуть съехала набок.

Белов открыл ворота и, на ходу разговаривая с бригадиром, который что-то энергично доказывал ему, направился к крыльцу.

– Подожди, Андрюша, – позвала его Елизавета Ивановна и взяла сумку с котом. Алла вцепилась в ее сухую ладонь, и они подошли к Андрею.

– Давай Маркиза вперед пустим, – попросила мать. – Это добрый старый обычай.

Адвокат лишь пожал плечами – он всегда снисходительно относился к причудам матери.

Маркиз бесшумно выпрыгнул из сумки и, пригнувшись, внимательно огляделся. Длинные усы чуть подрагивали, как нити накаливания. Незнакомая обстановка его однозначно насторожила. Андрей открыл входную дверь и бесцеремонно подтолкнул кота внутрь. Маркиз недовольно мяукнул.

– Ну, папа, пусть он сам! – воскликнула Алла.

– Он так будет целый день у дверей сидеть, – сказал мужчина, подталкивая животное. Кот шмыгнул внутрь, и девочка поспешила за питомцем. Елизавета Ивановна, перекрестившись, заметно оробев, поднялась по ступенькам.

– Ну, как? – поинтересовался у матери Андрей спустя несколько минут. – Вот, смотри, здесь ты будешь жить.

Елизавета Ивановна ахнула – ее новая комната не уступала размерами квартире, в которой она жила до этого.

– С мебелью, правда, негусто, – продолжал он, – но ты не переживай, со временем все будет.

Елизавета Ивановна намеревалась было что-то сказать, но промолчала. Слова сына «все будет» были вроде бы совсем безобидными, но он произнес их с такой небрежностью, словно речь шла о коробке спичек. Она была хорошо осведомлена о материальной независимости Андрея и втайне радовалась его успехам, но все равно ее смущал «размах» сына, который, по ее мнению, уж слишком часто граничил с показушной расточительностью.

Между тем Маркиз быстро освоился и с любопытством исследовал дом. Алла с визгом носилась за котом, попутно осматривая каждый угол. Елизавета Ивановна с легкой улыбкой наблюдала за ними.

– А это что? – Она ткнула пальцем в дверь.

– Комната Аллы, – отозвался Андрей. Женщина толкнула дверь, однако Маркиз не спешил туда входить. Он медленно обвел взором все пространство, вперив взгляд своих янтарных глаз на высокий шкаф в углу.

– Ну же, Маркиз! – стала подзадоривать кота дочка, но тот не шевелился.

– Это, кстати, одна из немногих комнат, которую я успел полностью обустроить, – с гордостью сказал Белов. – Нравится?

Алла не стала ждать, пока Маркиз соизволит войти внутрь, и зашла сама.

– Классно, – оценивающе произнесла она и подошла к окну, отодвинув жалюзи. – Очень здорово!

Маркиз мяукнул и вопросительно посмотрел на Елизавету Ивановну. Она присела и попыталась взять кота на руки, но тот мягко выскользнул из пальцев хозяйки и засеменил куда-то по коридору.

– Чуть грыжу не заработал, пока его сюда затаскивали, – признался Андрей, махнув рукой в сторону шкафа.

– Андрюша?

– Да, мама?

– Вера... знает про этот дом?

– Да, – ответил Андрей слегка напряженно. – Я сообщил ей адрес. По закону после развода, с кем бы ни остался ребенок, другой родитель имеет право на общение с ним. Но не думаю, что она приедет.

– А она...

– Мамуля, давай сейчас не будем об этом. Сегодня и так день сумасшедший выдался.

– Я что-нибудь приготовлю, – снова засуетилась Елизавета Ивановна.

– У меня все с собой, только разогреть нужно, – успокоил ее Андрей.

Они поужинали, попили чаю, после чего Андрей открыл ноутбук и погрузился в работу, а Елизавета Ивановна с Аллой читали книгу. Правда, девочка читала вслух неохотно и с куда большим удовольствием посидела бы перед телевизором (как раз сейчас должны показывать «Ледниковый период»!), но бабушка была неумолима. Маркиз лежал на кресле, мирно посапывая и изредка подергивая ухом.

– Почему ты дома не снимаешь косынку? – Елизавета Ивановна обратила внимание на то, что внучка постоянно была в бандане.

– Не хочу, – тут же, отвернувшись, надула губки Алла.

– Но голова должна дышать, – попробовала урезонить ее Елизавета Ивановна.

– Как она может дышать? Человек дышит ртом! – с вызовом ответила Алла.

– Человек дышит легкими, – не отрываясь от экрана, пробормотал Андрей.

– Может, она тебя послушает? – обратилась к сыну женщина.

Андрей поднял голову.

– Алла, – позвал он. – От того, что ты постоянно в бандане, ничего не изменится, – как можно мягче сказал он.

– Ну и что?

– Бабушка права, сними, и тебе самой станет намного легче, вот увидишь.

Поколебавшись какое-то время, Алла нехотя сняла бандану, ее темные глаза снова вызывающе блеснули, мол, только попробуйте засмеяться или же даже улыбнуться!

Девочка была лысой. Абсолютно лысой. После лечения химиотерапией злокачественные клетки исчезли, но облысение (естественный побочный эффект) по какой-то неясной причине ни в какую не желало исчезать, и голова Аллы напоминала бильярдный шар. Если можно себе вообразить бильярдный шар с печальными детскими глазами, а в последнее время они были только такими. Не росли больше волосы, и все тут. Это при том, что брови у Аллы выросли тут же. Врачи успокаивали, мол, все это вопрос времени, но Андрей уже сам видел, что вопрос этот уж слишком как-то затянулся. В садике и старой школе дети не упускали возможности подразнить дочку («Лысая башка, дай пирожка!»), и Андрей с затаенным страхом думал, что же ждет ее в новой школе? Парик?

Уложив Аллу спать, Елизавета Ивановна села напротив сына.

– Я неспроста намекнула сегодня тебе о своей квартире, – промолвила она, сцепив перед собой пальцы, натруженные, с шишковатыми суставами. – Пока ты был в ресторане, а Аллочка спала, я слушала радио.

– И? – вопросительно приподнял брови Андрей.

– Вчера исчез один мальчик, – сказала она, пристально глядя на сына. Андрей оторвался от экрана и недоуменно посмотрел на мать.

– Ну и что?

– Как что? – воскликнула Елизавета Ивановна, всплеснув руками. – Это уже второй случай за месяц! Тогда тоже исчез ребенок, и все происходит в нашем городе! Господи, прости и сохрани, но такого еще никогда у нас не было!

Белов потер переносицу.

– Что-то я не улавливаю логики, – признался он. – Какое отношение имеет пропажа детей к нашему новому дому?

– В своем доме и стены помогают, Андрюша. А здесь... Непокойно мне как-то.

– Все будет хорошо, – твердо сказал Андрей, выключая ноутбук. – Дочь все время под присмотром.

Он вышел из-за стола, осторожно положил руки на плечи матери и поцеловал ее в голову. Волосы пахли чем-то домашним и успокаивающим, как в детстве.

– Иди спать. Завтра куча дел, нужно вещи разобрать, елку наряжать, Новый год на носу.

В этот момент зазвонил мобильный Андрея. На экране телефона высветилось имя абонента: «Татьяна».

– Слушаю, – ответил Белов.

– Привет! – В трубке послышался бодрый женский голос.

– Здравствуй. Ты чего так поздно?

– А ты что, не рад? – насупилась девушка.

– Конечно, рад. Просто только сегодня въехали в новый дом, – пояснил Андрей. – Сама понимаешь, бардак, хлопоты.

– Андрюша, я тут подумала... Может, нам Новый год вместе встретить? – неожиданно спросила Татьяна.

Адвокат замешкался. Он знал ее чуть более двух месяцев, познакомились уже на новом месте работы. Фидарова Татьяна была красивой и интересной женщиной, но что-то останавливало Белова ответить положительно.

– Давай решим это в ближайшие дни, – сказал он. – Сейчас столько работы.

– Я скучаю...

Андрей непроизвольно улыбнулся.

– Я тоже. Обещаю, мы скоро увидимся, – затем попрощался и отключил телефон.

Странно, но Татьяна была единственной девушкой, которой удалось так легко и стремительно войти в жизнь Андрея, заполнив тот самый необходимый вакуум, в котором оказывался любой разведенный мужчина. Он всегда относился к новым знакомствам с некоторой долей скептицизма, а после развода с Верой и вовсе стал проявлять к противоположному полу настороженность, особенно если дамы не скрывали своих намерений, узнав о холостяцком статусе адвоката.

Но с Фидаровой Таней все было иначе. Она была стажером, помощником юриста, и когда он впервые увидел ее у себя в коллегии, то был потрясен ее красотой. Поначалу адвокат был уверен, что внешние данные Татьяны наверняка являются компенсацией ее какого-либо существенного недостатка, интеллекта или, наконец, ума в частности. Каково же было его изумление, когда он узнал, что эта двадцатилетняя девушка знает четыре языка и, имея высшее психологическое образование, без отрыва от работы в коллегии оканчивает юридический институт.

Первое свидание оставило у Андрея самые теплые воспоминания, и они стали встречаться регулярно. После третьей встречи они провели вместе ночь, и оба остались довольны друг другом.

На работе догадывались об их связи, но Белов не обращал на это внимания – времена и нравы теперь несколько другие. Поэтому обсуждение сотрудниками его личной жизни не волновало адвоката. Его также устраивало и то, что Татьяна была абсолютно ненавязчивым человеком и всегда требовала к себе ровно столько внимания, сколько полагалось при их отношениях. Поэтому предложение девушки о совместном проведении новогоднего праздника Белова немного озадачило. С другой стороны, почему бы и нет?

Посреди ночи Маркиз, который обычно спал в комнате с Аллой, проснулся. Лунный свет, пробиваясь сквозь занавеску, играл на его шерстке серебристо-бархатными волнами. Круглые прозрачные глаза животного неотрывно смотрели на высокий шкаф, тот самый, стоящий в углу. Кот бесшумно спрыгнул на пол и медленно подошел к нему, старательно обнюхивая дверь. Через некоторое время он вышел из комнаты. Алла продолжала спокойно спать.

* * *

Сергей неотрывно смотрел в окно. Прямо перед ним мерцали снежинки, кружащиеся в морозном воздухе крошечные феи искрились и будто игриво подмигивали ему. Он даже было потянулся к ним, но вовремя спохватился и убрал руку обратно. При всем своем желании он бы не смог коснуться этих волшебных фей – между ними была непреодолимая, ненавистная преграда в виде крепкой решки².

Он опустил голову, разглядывая замызганный календарик, и задумчиво повертел в пальцах огрызок карандаша. День еще не кончился, но искушение было слишком сильным, и он,

² Тюремная решетка (жарг.).

затаив дыхание, зачеркнул сегодняшнее число. Сергей наизусть знал, сколько ему осталось мотать срок, вплоть до минут, но ему доставляло ни с чем не сравнимое блаженство каждый раз сверять оставшиеся дни и убеждаться, что момент освобождения становится все ближе и ближе.

– Сергуня, угости папироской, – прозвучал голос.

– Нет, – ответил Сергей, не поднимая головы. Он бережно убрал потертый календарик под матрас. – Тебе вообще курить нельзя.

– Жаль, – посетовал голос и хрипло закашлял. – А насчет здоровья не твоего ума дело.

Это был Митя Ростовский, когда-то довольно известный вор-карманник, которого в итоге основательно сгубила водка, и сейчас он представлял собой жалкого высохшего старика, беспрестанно кашляющего и кутающегося в рваное одеяло. Первое время его сухой, раздражающий кашель не на шутку пугал других обитателей камеры (всех волновало, не словил ли Митя тубик³), но администрация быстро «успокоила» эков, пояснив, что это «всего лишь рак легких». Сейчас он, несмотря на свое самочувствие, исполнял обязанности смотрящего хаты.

Старый эк хотел что-то добавить, но в это время за дверью послышались быстрые шаги, и злой голос, заглушая звон ключей, пролаял:

– Всем подняться, встать к стене!

Зяба и резавшийся с ним до этого в шешбеш⁴ второй эк, ругаясь вполголоса, встали вдоль стенки, упершись в нее лбами, через минуту к ним присоединился Сергей. Возле «тормозов»⁵ зашевелился «опущенный» Галя (настоящее имя этого помятого, с мутным взглядом и дурно пахнущего мужичонки уже никто и не помнил) и, пошатываясь, как с похмелья, встал рядом с «дальняком»⁶.

Лишь Митя Ростовский продолжал лежать на шконке и безудержно кашлять, причем делал это так, словно намеревался выплюнуть все внутренности. В камеру вошел прапорщик. Он не обратил внимания на бывшего авторитета – ему, уже стоявшему одной ногой в могиле, в таких случаях разрешалось лежать.

– Римакин, на выход, – процедил надзиратель, гремя тяжелой связкой ключей.

– Зачем? – Сергей повернулся к нему лицом.

– А хер его знает. Кажись, передача тебе.

Один из эков удовлетворенно загудел.

– Папироски-то в дачке будут? – сквозь кашель умудрился прохрипеть Митя Ростовский.

– Будут. С резиновыми набалдашниками, – захихикал тюремщик, довольный своей шуткой. – Руки за спину, вперед пошел!

«Мать, – подумал Сергей. – Больше никому!» Странно, но он не испытывал никаких чувств, когда вспоминал о ней. Вечно ноющая и причитающая, с мокрыми глазами и своими утомительными нравоучениями мать только раздражала его, хотя он знал, что в последнее время та сильно сдала и все реже вставала с постели. Тем не менее она все равно находила силы и средства отправлять посылки своему непутевому сыну.

Вернувшись обратно с пакетом провианта, заботливо уложенного матерью, Сергей сразу обратил внимание, как изменилась атмосфера в камере. Эки больше не играли в нарды и лишь пялили на него свои угрюмые взгляды. Приступ кашля у Мити Ростовского прошел, он

³ Туберкулез (жарг.).

⁴ Нарды (жарг.).

⁵ Дверь (жарг.).

⁶ Туалет (жарг.).

молча лежал на своей шконке. Свисавший вниз край одеяла напоминал подбитое крыло старой птицы. Галя сопел на своем положенном петушином месте рядом с «дальняком».

Понимая, что в его отсутствие что-то произошло, Сергей, ни слова ни говоря, сел на свою шконку. Продукты он поставил на колени. Зэки продолжали мрачно скалиться, затем Зяба издал какой-то хрюкающий звук.

– Что за намеки? – спокойно спросил Сергей. – Что-то изменилось, пока меня не было?

– Напомни, Сергуня, по какой статье чалишься? – прокуренным голосом поинтересовался Зяба. Сергей почувствовал, как внутри все похолодело, но внешне он выглядел абсолютно бесстрастным.

– А тебе-то что, Зяба? Память отшибло?

– Мне-то? Ты ведь втулял, что на чужом драндулете какого-то мажора в канаву сшиб?

Второй зэк, Хомут, ухмыльнулся, обнажая почерневшие зубы.

– А раз знаешь, зачем в душу лезешь? – резко спросил Сергей.

– Поделится бы гостинцами, Сергуня, – предложил Хомут, продолжая нагло ухмыляться. – Вон сколько у тебя их с воли. А у нас тут – говна пирога.

– И мне конфетку дайте, – вдруг сипло попросил Галя. – Карамельку.

– Обойдетесь. А ты вообще хлебало заткни, дырявый, – бросил Сергей, адресуя последнюю фразу «петуху». – Знай свое место. Так в чем дело?

– Малява пришла, – пояснил Хомут, в голосе прорезались угрожающие нотки.

– Земля слухами полнится, – вторил ему Зяба. Он подмигнул Хомуту и снова повернулся к Сергею: – Как она, а? Ничо, а, Сергуня? Запихнул ей свой вишневый чупа-чупс?

– Фильтруй базар, Зяба, – пальцы Сергея сжались в кулаки. – Это что, предьява?

– Сегодня к нам этапом Петруха пожаловал. Я с ним лично в Мурманске срок мотал. Так он про твою статью все знает, – глядя ему прямо в глаза, произнес Зяба. – Ты ведь за лохматый сейф сидишь⁷? Ну?

Сергей медленно встал. Перед глазами все поплыло. Выходит, зря мать продала фамильные драгоценности для того, чтобы начальство колонии не допустило утечку информации о том, по какой статье он на самом деле сюда загремел...

– Ни-ко-гда это-го не бы-ло, – по слогам сказал он. – Сукой буду.

– А мою сестренку однажды тоже какая-то мразь... – сказал Хомут, не закончив фразу. Его изрытое шрамами лицо стало багровым, как тухлый помидор. – Померла она потом. Да.

Зяба поднялся. Он улыбался, но улыбка не предвещала ничего хорошего.

– Глянь сюда, Сергуня, – негромко позвал он и отлепил от внутренней стороны стола длинный гвоздь, который держался на хлебном мякише, вытащив его наружу. Гвоздь был расплюсчен на конце, словно наконечник стрелы. – Внимательно смотри, галоша⁸. Знаешь, что бывает за лохматый сейф? Здесь правильная зона, и за твою статью спрос особый. По всей строгости спрос.

– Убери, – хрипло сказал Сергей. – Я отвечаю за свой базар. Ничего не было. А за галошу ответишь.

– Так было или не было? – высунулся Митя Ростовский. – Ты чевой-то совсем запутался, сынок. Зяба – это серьезная предьява. Можешь обосновать?

– Петруха правильный пацан и за свой базар отвечает, – сказал Зяба. – Ну так что? Тебе нечего возразить?

Мысли ураганом кружились в голове, одна нелепее другой, и Сергей отчетливо понимал, что затягивающаяся пауза играет не в его пользу. Нужно было что-то говорить, и говорить немедленно.

⁷ Изнасилование (жарг.).

⁸ Презерватив (жарг.).

– Это была подстава, – выдавил он наконец. – Одна давалка на меня обиду кинула и заяву в мусарню накатала. Отомстить хотела.

– Так тебя опарафинили⁹? – с нарочитым изумлением воскликнул Зяба. – А шо ж ты молчал, коли правда за тобой?! На кой ляд нужно было байку про драндулет сочинять?

Внутри у Сергея все кипело, неужели даже здесь ему не верят?! После того, как он отсидел почти весь срок?! И так облажаться под самый финиш!

– Зяба, не надо, – ласково проговорил Хомут, тоже вылезая из-за стола. – Мы из него лучше шурика¹⁰ сделаем... Только позже. А потом на спине наколочку оформим: «Взломщик лохматых сейфов». Картинка будет – закачаешься!

Сергей знал, что после таких слов ни один уважающий себя зэк не будет молчать, конечно, в том случае, если то, в чем его обвиняли, – неправда.

Двое стояли, глядя на него и мерзко посмеиваясь, Сергей, подобравшись, неожиданно прыгнул вперед. Не ожидавший такого поворота событий Хомут, получив удар в нос, споткнулся о скамью и свалился на пол. Сергей между тем схватил стоявшую на столе железную миску и с силой ударил ею по кисти Зябы. Тот взвыл от боли, выронив гвоздь, но тут же вцепился в Сергея, и они упали на стол. От тяжести двух тел хрустнули доски, нарды как горох рассыпались по всей камере. У «дальняка» повизгивал Галя, с возбуждением наблюдая потасовку.

Хомут, ругаясь и потирая окровавленный нос, поднялся на ноги. Подобрав гвоздь, он шагнул к дерущимся зэкам. Схватил за шиворот Сергея и прижал острие к шее:

– Не трепыхайся. Кому сказал?! Митяй, давай я ему прямо здесь за щеку дам?

Сергей замер. Неожиданно возле камеры послышалась какая-то возня.

– В ШИЗО захотели, уроды? – услышали они знакомый голос «пупкаря»¹¹. Заточка моментально исчезла под чьим-то матрасом, зэки поднялись на ноги.

– У нас все хоккейно, начальник, – принужденно заржал Хомут. Он запрокинул голову, пытаясь таким образом остановить все еще сочившуюся кровь.

Надзиратель что-то пробурчал, затем послышались удаляющиеся шаги, и все стихло.

– Хватит, пожалуй, – задумчиво произнес Митя Ростовский, наблюдая сверху за возней заключенных. – Не время и не место сейчас, кхе... А ты на беспредел, значит, пошел, Сергуня? Кулаками такие вопросы не решают.

– Митяй, но ты же сам слышал, он мне предъявил...

– В общем, мое мнение такое, – решил Митя Ростовский. – В отношении тебя, Сергуня, будет сформирована предъява, какая именно – решим на совете. То, что ты смолчал по статье – уже нехорошо. Давалка ли с тобой была или не давалка, кинула ли она... кхе-кхе... на тебя обиду или не кинула – это дело второстепенное. Ты не имел права шифровать свою статью, попав сюда. А ты слепил горбатого. Так что хорошенько обмозгуй, что ответить. И думай, как будешь обосновывать свое сегодняшнее поведение. То, что тебе Зяба заточку показал, – не повод распускать руки. И никто пока с тебя ничего не спрашивал.

Сергей молчал, побледнев как полотно.

– Ну, Сергуня, – прошептал Зяба, потирая ушибленную кисть. – Можешь свой календарик свернуть в трубочку и в очко засунуть. Он тебе, как и очко, больше не понадобится. Будешь вместе с Галей на параше куковать.

⁹ Оклеветали (*жарг.*).

¹⁰ Пассивный гомосексуалист (*жарг.*).

¹¹ Тюремный надзиратель (*жарг.*).

Перед сном Сергей снова достал календарик. Осталось ровно полтора месяца. Сорок шесть дней. Тысяча сто четыре часа. Шестдесят шесть тысяч двести сорок минут.

Он заметил, что его пальцы сотрясает мелкая дрожь. Глаза, помимо воли, время от времени возвращались к «дальняку», там, где обитал Галя. Если он проиграет, то окажется рядом с ним. Он знал, что в этой зоне в отличие от многих других до сих пор свято соблюдаются воровские законы, и изнасилование было одним из безусловных оснований для принудительного перевода в касту «опущенных», то есть в «петухи». И тогда дни оставшегося срока превратятся для него в кромешный ад. Он даже зажмурился, пытаясь отогнать возникшие образы, один ужаснее другого.

Это был его первый срок. Будучи человеком практичным и не обделенным умом, Сергей сразу понял, что выжить в тюрьме сможет, лишь играя по здешним правилам. Он быстро усвоил воровские понятия, научился разговаривать по фене, никогда не шестерил, при этом всегда соблюдая необходимую дистанцию. И вот теперь такое. Что же будет?! А до свободы еще о-го-го! А ведь у него есть одно важное дельце, там, на воле. И откладывать он его не намерен.

– Сергуня? – позвал тихо Галя, и Сергей вздрогнул.

– Дай карамелечку, – попросил «опущенный», но Сергей ничего не ответил. Разговоры с «неприкасаемыми» на зоне строго табуировались, исключение делалось лишь при распределении дачки, которую получал «опущенный» – в таком случае специально уполномоченный экз уточнял у него, что и кому тот готов отдать. В иных же случаях увлечение беседой с представителями этой низшей касты чревато потерей авторитета с последующим отвержением экза.

Галя заплакал, и, слушая его хныканье, где-то глубоко внутри Сергей испытывал нечто похожее на угрызение совести, ведь Галя как-то делился с ним тушенкой. Ну, да бог с ним, у него теперь своих проблем хватает.

Сергей уснул под утро тяжелым, беспокойным сном, не подозревая, что уже вся зона знает, по какой статье он получил срок и что по его душу уже принято окончательное решение.

* * *

Андрей остановил «Форд» у высоких железных ворот. Дети гурьбой шли мимо, изредка кто-то бросал любопытные взгляды на машину.

– Ну, вперед? – с улыбкой сказал Андрей. Алла тоже робко улыбнулась. Тонкими пальцами поправила новый парик, который папа с бабушкой вчера ей весь вечер примеряли.

«Бедная, – пронеслась у мужчины мысль, – скорее бы все это закончилось! Главное, чтобы Аллочка не спасовала и обрела в новой школе друзей».

– Ты забереешь меня после уроков? – спросила дочка.

– Конечно. Будь уверена.

Девочка прильнула к отцу и чмокнула его в гладко выбритую щеку.

– Пока, папочка!

– До скорого, Алюша!

Она легко выпрыгнула из автомобиля и тут же влилась в живой поток школьников. Обернулась напоследок и помахала Андрею.

– Я люблю тебя, – вслух сказал он и завел машину.

Первое знакомство прошло на удивление гладко, хотя от волнения у Аллы сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ее посадили с Леной, смешливой рыжей девчушкой, и она сразу понравилась Алле.

– А ты теперь все время будешь к нам в школу ходить? – первым делом поинтересовалась она. Алла кивнула.

– Я уже давно сюда хожу, – с важным видом заявила Лена. – А кто твои папа с мамой?

Алла замялась, так как совершенно не хотела откровенничать в первый же день, тем более на такую щекотливую тему – тема мамы была для нее закрытой. Правда, Лена не обратила внимания на эту заминку и продолжала:

– У нас скоро Новый год будет! У тебя костюм уже есть?

– Нет, – призналась Алла, с тревогой подумав, что она как-то совсем упустила из виду этот актуальный вопрос.

– А кем ты хочешь бы... – не успела договорить Лена.

– Девочки! Не отвлекайтесь, – строго заметила Маргарита Алексеевна. – Лена, выпрями спину.

Школьницы притихли.

– На переменке поговорим, – зашептала Лена, и Алла кивнула в знак согласия.

Алла быстро освоилась среди одноклассников, а с Леной они с первого дня стали лучшими подругами. Ее трудолюбие и умение схватывать материал на лету позволили быстро стать отличницей, и учителя не уставали нахваливать девочку. У нее появились новые друзья, которым Алла казалась чрезвычайно общительной и интересной.

Появились и недоброжелатели, точнее, недоброжелательница. Ее звали Ира. Из весьма обеспеченной семьи, всегда нарядная, холеная, красивая уже в этом детском возрасте, она привыкла всегда быть в центре внимания. И смириться с тем, что часть ребят, которые еще вчера восхищались ее новыми туфельками или мобильным телефоном, переметнулась к Алле, она не могла. Алла прекрасно это видела и понимала, но старалась не придавать данному факту большого значения.

Андрей с Елизаветой Ивановной очень радовались, что их девочка так быстро нашла общий язык с ребятами.

Правда, приходилось постоянно носить этот дурацкий парик, но тут уж ничего поделать было нельзя. Вариантов было два: ходить в парике или оставаться лысой, но Алла скорее бы бросилась под поезд, чем появилась бы в классе, сверкая ненавистной лысиной. Впрочем, она все-таки раскрыла свою тайну Лене, и та, завороченно выслушав Аллу, клятвенно пообещала хранить этот секрет до самой смерти.

Помнится, как-то раз, отчаявшись, Алла спросила отца, нельзя ли ей пересадить чьи-нибудь волосы. Тот нахмурился, подумал, обнял ее и сказал, чтобы она не беспокоилась, он обязательно что-нибудь придумает. И Алла верила ему, хотя эти клятвенные заверения она слышала по несколько раз на дню. Верила, но в то же время постоянно испытывала мучительную тревогу, что правда о парике выплывет наружу и как тогда отреагируют на это ее новые друзья? Девочка даже не догадывалась, что про ее несчастье знают все учителя в школе (Андрей считал нужным довести эту информацию до их сведения), однако, учитывая ситуацию, между ними было достигнуто соглашение о недопустимости разглашения тайны школьницы.

Это произошло на уроке физкультуры. Тренер скомандовала очередное упражнение – кувырки. В этот момент в тренерской зазвонил телефон, и Ольга Романовна, предупредив, что вернется через минуту, ушла.

У Аллы всегда хорошо получались кувырки, но в этот раз она слишком спешила и нечаянно столкнулась с другим полным мальчиком (кажется, его звали Мишей). Пока она пыталась подняться на четвереньки, на нее уже летела Карина, а за ней Ира. Теперь они упали все вместе, хихикая. Сверху на них плюхнулся Миша, затем подбежала Лена. Кувырки уже никто не делал, дети, полагая, что началась какая-то новая захватывающая игра, устроили на матах самую настоящую куча-мала, визжа и хохоча.

Привлеченная шумом, из тренерской выглянула Ольга Романовна. Дунув в свисток, она приказала строиться. Тут-то Карина воскликнула:

– Ой, смотрите!

И одновременно с этим тонким детским голосом, эхо которого затерялось где-то в стенах зала, Алла поняла, что случилось то, чего она боялась больше всего на свете, – во время их возни с нее слетел парик.

Наступила тревожная тишина, затем кто-то несмело хихикнул.

– Смотрите, она лысая, – прошептал один из мальчиков. Кто-то снова издал смешок, вроде это была Ира... Алла чувствовала, как горят ее щеки, быстро заливаясь полыхающей краской.

– В чем дело? – поинтересовалась Ольга Романовна, подходя ближе. Увидев Аллу, она мгновенно оценила ситуацию, хлопнула в ладоши и зычным голосом скомандовала:

– Дети, построились! На первый-второй – ра-ассчитайсь!

Пока шла переключка, в зал вошла молодая женщина. Учительницу звали Яна Владимировна, она вела другой класс, но изредка подменяла Маргариту Алексеевну, и дети ее очень любили.

Тренер что-то шепнула ей, и Яна Владимировна положила на плечо Аллы руку.

– Иди в раздевалку, – мягко сказала она. – И ничего не бойся.

Трясущейся рукой Алла подобрала парик и, не глядя ни на кого, побрела в раздевалку.

Одевшись, девочка зашла в туалет и снова сняла с себя парик. На нее из зеркала глядело худенькое существо с измученным лицом и заплаканными глазами. Она понимала, что рано или поздно это выяснится, и не боялась, что после этого с ней перестанут общаться или, чего хуже, начнут дразнить. Алла боялась другого, что ее начнут жалеть. Она даже не хотела допускать мысли, что одноклассники начнут заглядывать ей в глаза и нудно причитать: «Как же такое могло случиться?! Ай-ай-ай... И что же ты теперь будешь делать? А это лечится? А где? А как? А когда? А сними еще раз парик, а покажи...» Алла нахлобучила парик на голову и с нескрываемой яростью взглянула на свое отражение. Уродина. Лысая кочерыжка. Сейчас она просто ненавидела себя.

Услышав голоса одноклассников, она торопливо проскользнула в одну из кабинок. Закрывшись изнутри, девочка устало прикрыла глаза – она не хотела, чтобы ее кто-то сейчас видел. Пусть все решат, что она ушла.

– ...даже представить себе не могла, – вдруг услышала она голос. Этот голос принадлежал Люде, высокой девочке, которая всегда носила яркие платья. – Я думала, у нее настоящие волосы.

Послышался звук льющейся воды, и часть слов разобрать было невозможно.

– А почему она лысая? – спросила Ира, когда кран закрыли. – Она больная? Или ее родители так стригут? Во уродина!

– Что ты пристала? – возмущенно перебил ее голос Лены. – Какое тебе дело?!

– А ты что ее защищаешь? – ехидно поинтересовалась Ира. – Тоже мне, подружку нашла! Лысую!

– Ну и что? – парировала Лена. – Зато она хорошая и добрая.

Алла сглотнула подступивший комоч. От нахлынувших чувств благодарности к подруге на глазах выступили слезы.

– Вы что тут делаете? – внезапно раздался голос Ольги Романовны. – Скоро звонок на урок! Марш переодеваться!

Девочки, повизгивая, пулей вылетели из туалета. Алла неподвижно стояла у двери, стараясь не дышать.

– Алла, выходи, – неожиданно раздался голос тренера, и девочка вздрогнула от испуга.

– Выходи, я знаю, что ты здесь.

Алла вздохнула и отодвинула щеколду.

– Не бойся. Они ушли, – сказала Ольга Романовна.

– Я не боюсь, – возразила Алла.

– Тогда зачем ты заперлась? – удивилась тренер, но девочка промолчала.

– Пойдем. Яна Владимировна хочет кое-что сказать тебе, – предложила женщина. – Не волнуйся, я скажу твоей учительнице, что ты немного задержишься, а потом мы проводим тебя на урок.

Школьница пожала плечами и пошла вслед за учительницей, и вскоре они очутились в тренерской комнате. Алла восхищенно завертела головой по сторонам, на мгновение позабыв о своей проблеме. Все стены были увешаны почетными грамотами, вымпелами, и стол, и стеклянный шкаф ломились от сверкающих золотом кубков.

Женщины обменялись взглядами, и Ольга Романовна вышла.

– Что вы хотите от меня? – спросила Алла.

– Я расскажу тебе одну историю, – произнесла Яна Владимировна. – Это не займет много времени, присядь.

Алла послушно села. Рука инстинктивно потянулась к парику, чтобы его поправить (вдруг он снова съехал!), но она перехватила серьезный взгляд учительницы и быстро убрала руку.

– Однажды жила на свете маленькая девочка, – начала Яна Владимировна. – И как-то раз она с подружками отдыхала в деревне. Там протекала река, и дети часто ходили купаться. В одном месте прямо с берега росло высокое дерево с «тарзанкой». Детям строго-настрого запрещали кататься на ней, но они все равно тайком сбегали и катались. Взрослым это надоело, и когда однажды дети пришли к дереву, то увидели, что «тарзанки» больше нет – ее оборвали.

Алла непонимающе смотрела на женщину – зачем она все это рассказывает ей? Но Яна Владимировна продолжала как ни в чем не бывало:

– Тогда дети решили сделать новую «тарзанку». Они нашли веревку, крепкую палку, привязали веревку к палке. Осталось последнее – привязать другой конец веревки к дереву. Но кто полезет туда? Даже самые смелые мальчишки боялись лезть на самый верх. И тогда дети решили тянуть жребий. Они выбрали белые камушки и добавили туда один черный. И эта самая девочка вытащила черный камень. Даже после этого ее отговаривали лезть наверх. Но она все равно приняла решение. И уже когда она привязала «тарзанку», то неожиданно рука ее соскользнула, девочка сорвалась вниз и упала на берег. Сломала ногу в трех местах и сильно порвала ухо об ветку. Полгода она ходила в гипсе. Ухо зашили, но оно получилось страшно некрасивым. Правда, у нее было много друзей, и все помогали ей, как могли. Шло время. Гипс сняли, но девочка продолжала хромать. И если некрасивое ухо она закрыла длинными волосами, то с ногой ничего нельзя было поделать, хромать не переставала, и это было очень заметно. Я забыла сказать, что у этой девочки была лучшая подруга. Назовем ее Ритой. Она никогда не отходила от девочки, все время была рядом и переживала вместе с ней. Время шло, и вот уже это взрослая девушка. Она мечтает о любви, но немногие желают встречаться с ней, заметив ее недостатки. И все это время Рита опять же была рядом. И в один прекрасный день эта девушка посмотрела на себя в зеркало и сказала: «Хватит! Я больше не хочу чувствовать себя жалкой и несчастной! Я сильная, и у меня все получится!» С тех пор она начала новую жизнь. Решилась на повторную операцию, хотя врачи ничего не могли обещать. Ей снова сломали ногу, чтобы вправить кости, и еще три месяца она провела в гипсе. В больнице она познакомилась с замечательным юношей, и они понравились друг другу. Молодого человека совершенно не смутило некрасивое ухо, а также проблемы с ногой девушки. А потом она начала разрабатывать мышцы. Занималась и тренировалась каждый день, к вечеру теряла сознание от боли, до крови кусала губы, но терпела и продолжала работать над собой. «Я хочу научиться заново ходить и бегать. У меня все получится», – решила она и шла к поставленной цели. И дело действительно пошло на поправку. Врачи только разводили руками – никто не верил, что у девушки что-то из этого выйдет. И вот наступил момент, когда она могла совершить свою

первую пробежку. Потом она стала увеличивать нагрузки с каждым разом и наконец полностью избавилась от хромоты и выиграла свое первое соревнование.

Учительница, внимательно посмотрев на Аллу, продолжила после паузы:

– Теперь самое главное. Как только эта девушка стала добиваться успехов, ее лучшая подруга Рита почувствовала, что девушка больше не нуждается в разговорах о ее несчастном будущем. О больной ноге тоже не говоришь, потому что хромота исчезла. Рита стала завидовать, что у девушки все хорошо, что у нее такой прекрасный молодой человек, в то время как у Риты личная жизнь не ладилась. Она злилась, видя, как процветает ее лучшая подруга. Больше они не общались, хотя девушка всегда искала встреч с Ритой и переживала, что они так расстались. Ты спросишь: «А что же молодой человек?» Он женился на этой девушке. И они до сих пор любят друг друга. И кто знает, как бы все повернулось, не упали та девочка с дерева столько лет назад.

– А почему вы говорите «девушка»? – спросила Алла. – Вы забыли, как ее зовут?

– Я думала, ты сама догадаешься, – ответила учительница.

– Это вы? – тихо спросила Алла.

Яна Владимировна кивнула, подумав, что девчушка быстро соображает! Она отбросила волосы с левой стороны, открыв на обозрение уродливое ухо.

– Он любит меня такой, какая я есть, понимаешь? Не за красивые уши, ноги, волосы, – промолвила женщина. – На соревнованиях мы познакомились с Ольгой Романовной и дружим до сих пор.

Девочка молча обдумывала рассказ. Может, Лена тоже с ней общается только из-за жалости?

– Запомни. Важно не то, как ты выглядишь, хотя и это, безусловно, играет роль. Важно то, что ты представляешь из себя как человек, – глядя Алле прямо в глаза, сказала Яна Владимировна. – А теперь иди.

Алла пошла в класс. В коридорах было непривычно тихо. Она снова и снова прокручивала в голове историю про юную Яну Владимировну, но... Вот именно, «но»! Сейчас-то она не хромот, и ухо под волосами не видно! А она?! Ведь завтра они в школе будут отмечать Новый год! «ОНИ... ОНИ будут отмечать, – с внезапно возникшим злорадством подумала Алла. – А я не пойду. Буду сидеть дома, и все».

Глаза ее снова стали влажными от слез. Она отдала бы все на свете, чтобы у нее были нормальные человеческие волосы!

* * *

На следующий день Алла пошла в школу. И дело даже не в уговорах отца – она сама так решила.

– Привет, – широко улыбнулась Лена, когда Алла вошла в класс. На лице подруги не было никакого намека на вчерашнее, только радость и блеск в глазах. И Алла, натянутая как струна, мгновенно расслабилась. Другие дети уже вовсю обсуждали приближающийся праздник и новогодние костюмы.

– Ты сегодня кто будешь? – тараторила Лена. – Я буду снежинкой. А ты?

– М-м... потом увидишь, – неожиданно смутилась Алла. Она столкнулась взглядом с Ирой. Та усмехнулась, жеманно поведя своим худым плечиком, но Алла сделала вид, что не заметила этого. Плевать.

Дети с нетерпением ждали окончания уроков, и поскольку день был коротким, занятия были чисто формальными, плохих оценок никому не ставили. Когда раздался звонок в конце последнего урока, класс наполнился оглушительным визгом.

– Тише! – безуспешно пыталась перекричать детей Маргарита Алексеевна. – Так, внимание!

С большим трудом класс удалось утихомирить.

– Сейчас все переодеваемся, а потом поднимаемся в актовый зал! – сказала она. И эта фраза была встречена новым шквалом счастливого визга.

Маргарита Алексеевна сказала, что вернется через пять минут, и вышла из класса. Алла открыла свой рюкзак и бережно вынула плотный пакет, откуда извлекла нежно-голубое платье феи.

– Ух ты! – восхитилась Лена, когда Алла облачилась в костюм. – Это тебе мама шила?

– Нет. Бабушка, – ушла от прямого ответа Алла. Как бы она ни доверяла Лене, но о матери она решила не говорить никому.

– Лена, после уроков меня заберет папа на машине. Поедем к нам? – вдруг откуда ни возьмись появилась Ира. Она буквально втиснулась между ней и Аллой, демонстративно отпихнув последнюю локтем. Рядом крутился Миша, то и дело бросая на девочек заинтересованные взгляды.

– Мама купила вкусный торт. А потом мультики посмотрим, – уговаривала Ира, сладко улыбаясь.

– Я не знаю. Меня мама заберет, – равнодушно ответила Лена, она все еще не могла оторвать взгляд от роскошного наряда Аллы.

– Ты теперь со мной дружить не будешь? – прищурилась Ира. Лена промолчала. Ира сжала кулачки, ее нижняя губа мелко подрагивала. – Я тоже с тобой больше не вожусь. Иди, играй с этой лысиной!

Алла стиснула зубы. Нет, она не заплачет.

– Замолчи! – крикнула Лена. – Что ты все пристаешь к нам?

– Ага, а когда я жвачку в школу принесла, ты сразу ко мне прибежала просить, – уперла руки в боки Ира. Ее ноздри раздувались, как у разъяренной пантеры.

– Я куплю тебе жвачку и отдам, – твердо пообещала Лена. – Уходи.

– Это твой, что ли, класс? – усмехнулся Миша, вставая на сторону Иры. – Тоже мне, защитница нашлась...

– А тебе-то что?

– Нельзя друзей бросать! – философски заметил Миша. – Ты предательница.

– Молчал бы, очкарик! – взъерилась Лена, и Миша покраснел.

– Я очкарик, а ты сопля на толчке, – с обидой выкрикнул он.

– Очкарик, в жопе шарик, – повторила Лена, но Алла одернула подругу:

– Не надо. Пожалуйста.

– А чего ты парик опять надела? Тебе стыдно? – Ира приблизилась вплотную к Алле. Глаза ее метали молнии, и Алла поразились, сколько же злобы в них клокотало.

– Нет, – произнесла школьница. – Хочешь посмотреть?

– Ты боишься. Ты трусиха, – уверенно сказала Ира, и тогда Алла рывком сорвала парик. Та улыбнулась, а в глазах ее застыло отвращение.

– Нравится? – тихо спросила Алла. Миша потупил взгляд и сделал вид, что увлечен разглядыванием собственных ботинок. Дети умолкли и все как один уставились на девочек.

– Твоя голова похожа на попу, – фальшиво засмеялась Ира, но ее никто не поддержал.

– А ты похожа на дуру, – внезапно сказала Люда, которая тоже раньше дружила с Ирой.

– Я скажу Маргарите Алексеевне, что ты ругаешься, – испуганно проговорила Ира, явно не ожидая такого поворота.

Алла отвернулась.

– Если ты еще раз обзовешь ее, я сама тебе волосы выдерну, – пригрозила Лена. – Ну-ка, иди отсюда!

– Это не твое дело, – возразила Ира не слишком уверенно.

В этот момент в класс вошла Маргарита Алексеевна.

– Дети, скоро придет Дед Мороз! – объявила она, заметив, что Алла стоит без парика. По лицу учительницы скользнула тень.

– Выходите в коридор и ждите меня. Мы сейчас поднимемся в актовый зал, – сказала она. – Алла и Ира! Вы останьтесь.

Ира в недоумении уставилась на учительницу. На ее раздраженном лице читалось непонимание.

– Что происходит? – строго спросила Маргарита Алексеевна. Школьницы молчали. – Алла, надень парик.

Помедлив, девочка выполнила указание.

– Ира, почему ты задираешь Аллу? Я же все вижу! – строго спросила учительница.

– Потому что из-за нее со мной никто не дружит! – вдруг с яростью выпалила Ира. – Все только с ней дружат! А я?!

– А что ты? – с ледяным спокойствием поинтересовалась учительница.

– Я им всегда конфеты и чипсы давала, шоколадками угощала. А они меня предали, – всхлипнула Ира.

Маргарита Алексеевна покачала головой.

– Друзей не купишь шоколадками, – сказала она. – Друг, которому от тебя нужна конфета или шоколадка, сам при удобном случае променяет тебя на торт или еще что-то. Может, ребята увидели в Алле нечто хорошее, чего не хватает в тебе, Ира?

– Все, я не хочу вас слушать! – завизжала Ира, топнув ножкой. Из ее глаз хлынули слезы.

– Иди в коридор, – приказала Маргарита Алексеевна.

– Я не пойду, – надула губы девочка.

– Что? – удивленно подняла брови учительница.

– Я пойду на улицу. Я не хочу к Деду Морозу. Я не хочу на елку, – капризно заявила Ира. Она принялась срывать с себя костюм.

В класс заглянула другая учительница, Татьяна Леонидовна, она вела занятия в параллельном классе.

– Маргарита Алексеевна, у вас там все готово, – сообщила она, часто моргая подслеповатыми глазами.

– Спасибо. Вы уже все?

– Да. Пойдем на площадку, пусть дети воздухом подышат.

– Я с вами, – встряла в разговор Ира. – Можно?

– Ты не хочешь увидеть Деда Мороза? – удивилась Маргарита Алексеевна. – И получить подарок?

– Ха, больно нужны мне ваши подарки! Я не пойду. И не заставляйте! – яростно ответила школьница.

– Я не вправе заставлять тебя. Но о таком поведении мне придется рассказать твоим родителям. И, наверное, я запру тебя в классе, у меня нет другого выбора.

– Маргарита Алексеевна, – вновь подала голос заглянувшая учительница. – Давайте я ее со своим классом на улицу возьму! Тебя ведь Ира зовут?

– Да, – буркнула девочка.

Маргарита Алексеевна вздохнула:

– Хорошо. Только прошу, как погуляете – сразу обратно. Ира, ты должна слушаться Татьяну Леонидовну. Ясно?

– Ладно, – нехотя протянула Ира.

– Ира, – вдруг позвала девочку Алла. – Пойдем лучше с нами.

– С тобой, что ли? Вот еще. Не хочу. Не хо-чу, – злорадно улыбаясь, повторила Ира. Она быстро накинула шубку, сунула ноги в блестящие сапожки. – Что я там у вас не видела. Подумаешь... Дед Мороз, сел в навоз.

– Ну, хватит, – оборвала ее Маргарита Алексеевна. – Чтобы от Татьяны Леонидовны ни на шаг!

Ира величественно прошествовала мимо Аллы.

– Не обижайся на нее, – сказала Маргарита Алексеевна, когда дверь за ними закрылась. – Я знаю, что она очень испорчена, но в этом вина ее родителей.

– Я не обижаюсь, – подумав, сказала Алла. И в самом деле, чего ей обижаться? Тьфу и еще раз тьфу на эту злоку!

– Пойдем к елке, – обняла ее за плечо учительница.

В актовом зале стояла гигантская елка, упирающаяся своей верхушкой прямо в потолок. Разноцветные шары, покрытые блестками, мишура сверкали и переливались в свете флуоресцентных ламп.

Встреча Нового года прошла замечательно. Школьники водили хоровод, пели песни, отгадывали загадки, после чего был конкурс на лучший новогодний костюм. К всеобщему изумлению, первое место заняла Алла. Раскрасневшаяся от переполнявших чувств, она не верила своему счастью. Девочка неуверенной походкой вышла к елке, и Дед Мороз торжественно вручил ей подарок – огромного мягкого медведя в забавной шапочке. Под конец праздника зажглась елка, и Дед Мороз принялся раздавать подарки всем остальным детям.

– А ты молодец! – сказала Лена, подойдя к Алле. – Я так и знала, что ты будешь самая красивая!

В ее голосе проскользнули тоскливые нотки, ведь она не заняла даже третьего места, и Алла поспешила заверить, что костюм Лены был ничуть не хуже, чем ее.

– А хочешь, я подарю тебе этого мишку? – неожиданно предложила Алла.

Лена с сомнением покосилась на приз – соблазн был велик, но и гордости у девочки было не отнять.

– Нет, – отказалась она. – Это ты выиграла.

– Ты всегда можешь прийти ко мне в гости, – сказала Алла. – Хорошо? И играть во все, что захочешь!

– Ладно, – заулыбалась Лена. – Но ты все равно молодец!

«Молодец, – про себя повторила Алла. – Вот только Ира теперь меня будет ненавидеть еще больше». Ей даже не могло прийти в голову, что тогда в классе Иру она видела в последний раз.

* * *

На улице было весело. Быстро темнело, и вскоре на игровой площадке у школы загорелись фонари. Радостно улюлюкая, дети моментально бросились врассыпную. Кто-то залез на качели, кто-то лепил снеговика, кто-то принялся играть в снежки. На площадку изредка подходил кто-то из родителей и забирал ребенка домой.

Лишь Ира с недовольным лицом сидела на лавке, вяло болтая ногами.

– А ты чего одна сидишь? – удивилась Татьяна Леонидовна.

– Хочется, – процедила сквозь зубы девочка, мерно покачивая ногами в дорогах сапожках.

– Простудишься, – покачала головой пожилая учительница.

С губ Иры уже готова была сорваться очередная грубость, но она сдержалась. И чего эти учителя все лезут в ее жизнь?!

Учительница решила не докучать девочке разговорами. Она внезапно подумала о том, закрыла ли класс на ключ. Вдохнув, женщина сунула руку в карман пальто и нащупала пальцами ключ. Такое с ней уже случалось. Причем не один раз, и однажды даже во время обеда у нее из сумки пропал кошелек – как раз в тот день в школе проводили ремонт и по коридо-

рам то и дело сновали тетки в замызганных комбинезонах с малярными причиндалами. Что ж поделывать, она далеко не молода, и память в последнее время подводила все чаще и чаще.

Двери школы распахнулись, и наружу вывалилась гурьба школьников. С воплями и гиканьем они помчались на площадку.

– За тобой кто придет-то? – спросила Татьяна Леонидовна у Иры.

– Папа, – сквозь зубы бросила девочка и демонстративно отвернулась, не желая поддерживать разговор.

Неожиданно она увидела, что к ним направляется... Дед Мороз. «Вот те на, что-то быстро там все закончилось, – подумала Ира. – И где, интересно, Снегурочка?»

Дед Мороз устало присел на скамейку возле учительницы, и его мигом облепили малыши.

– Что, отработали уже? – полюбопытствовала учительница. Дед Мороз кивнул и с трудом увернулся от снежка, который в него запустил какой-то сорванец.

Татьяна Леонидовна прикрикнула на мальчика и снова спросила:

– А Снегурка-то ваша где?

– Домой ушла, она тут рядом живет, – проговорил Дед Мороз, но увидев, что на него смотрят десятки детских глаз, шумно выдохнул и снова заговорил: – А внучка моя Снегурочка пошла колесницу нашу к отъезду готовить! Нам ведь уже скоро ехать надо, других детишек с Новым годом поздравлять!

Татьяна Леонидовна нервно улыbnулась. Мысли о возможно открытой двери не отпускали ее. А вдруг она все-таки не заперла класс?

– А где ваш мешок, дедушка? – пропищала крошечная девочка с румяными от мороза щечками.

– Раздал я все подарки, детка, – сказал Дед Мороз, разведя в стороны руки. – Даже мешка не осталось!

– А у меня есть подарок! – гордо сообщила кроха. – Дедушка Мороз, а ты не устал водить хоровод?

Ира бросала на Деда Мороза заинтересованные взгляды, вместе с тем всем своим видом показывая, что ей абсолютно по барабану всякие там Деда Морозы со своими мешками и колесницами. Между тем Дед Мороз перехватил ее взгляд и подмигнул девочке. Ира фыркнула и отвернулась.

Постепенно ребятня начала терять интерес к Деду Морозу, и их потихоньку забирали домой папы и мамы, наспех проговорив Татьяне Леонидовне дежурное «С наступающим!». Вскоре у лавки остались шестеро малышей.

– А все ли вы, детишки, получили подарки? – громко спросил Дед Мороз, пытаясь хоть как-то привлечь к себе внимание.

– Да-а, – вяло протянули дети.

– Я не получила подарок, – вдруг с хмурым видом сказала Ира.

Татьяна Леонидовна озабоченно поглядела на темные окна своего класса, которые выходили в школьный двор. Теперь она была почти уверена, что по забывчивости оставила класс открытым. А сегодня в актовом зале у старших классов дискотека, и молодежь уже начала подтягиваться к школе. Учительница посмотрела на Деда Мороза и решила, что успеет подняться в класс и закрыть его в течение пяти минут. А пока обязательно попросит охранника, молодого плечистого парня по имени Антон, постоять на крыльце и проследить за детьми. Хотя что может случиться?! Вокруг забор, да и никто сюда просто так не войдет!

В какой-то момент неожиданно проснулся внутренний голос, настойчиво уговаривающий ее забрать детей с собой, но Татьяна Леонидовна уже приняла решение. Тащить туда и обратно пусть и шестерых детей – морока, лучше оставить их на улице.

– Дети, я сейчас вернусь! – громко объявила она. – Никуда не расходиться, за ворота – ни шагу! Понятно?

– Да-а! – нестройно прозвучали голоса.

– Побудьте, пожалуйста, с ними пять минут. Я скоро, – сказала Татьяна Леонидовна Деду Морозу, и он понятливо кивнул.

Торопливо перебирая ногами, учительница поднялась по ступенькам.

– Антон, посмотрите, пожалуйста, там дети с Дедом Морозом остались, – попросила она охранника. Ответом был скучающий взгляд.

«Может, посмотрю. А может, и нет», – читалось на его глуповатом лице. Но Татьяна Леонидовна уже бежала по ступенькам вверх.

Антон хмыкнул, с задумчивым видом поковырял в носу, с еще более задумчиво-философским видом исследовал то, что извлек наружу его мизинец, после чего вытер палец о форменные брюки и углубился в сборник анекдотов.

– Как-как ты сказала? Не получила подарок? – удивился Дед Мороз. Его внимание было обращено на Иру. – Как же я тебя не заметил?

– А вы меня не видели, – выпятив нижнюю губу, ответила Ира. – Я не была на вашей елке.

– Ты, наверное, непослушная девочка, раз тебя не позвали на елку, – произнес Дед Мороз. Он посмотрел в сторону школы, и его лицо стало озабоченным.

– А вам какая разница? – огрызнулась Ира. Дед Мороз многозначительно хмыкнул. После небольшой паузы Ира заговорила, и в ее голосе проскальзывали просительные нотки: – А у вас еще остались подарки?

– Конечно, – с готовностью закивал Дед Мороз. – Они там, в моей волшебной колеснице, то есть в машине. Еще целый мешок.

Дети с открытыми ртами стояли и слушали этот разговор. Дед Мороз задрал рукав, посмотрев на часы.

– Ну, детишки, мне пора. Девочка, если ты не передумала, то пойдем, я отдам тебе твой новогодний подарок. А то твоя мама обидится и скажет, что я плохой Дед Мороз. А это не так.

Ира неподвижно сидела, раздумывая над предложением. С одной стороны, ее сдерживала гордость. С какой стати она должна куда-то идти?! Пускай этот бородатый дед сам несет ей подарок! С другой – ее одолевало любопытство и банальная зависть – она знала, что все ее одноклассники получили сюрпризы, а она одна осталась с носом. То, что учительница приберегла для нее подарок, школьнице даже не приходило в голову. К тому же не терпелось взглянуть на волшебную машину Деда Мороза.

– Ну, если ты, конечно, трусишка, то так и скажи, – пробасил Дед Мороз. – Мне пора.

Последняя фраза развеяла все сомнения Иры.

– Я не трусишка! – гневно выкрикнула она и встала.

– Ну, тогда пойдем, – поторопил ее Дед Мороз. Голос его стал хриловатым, и дети инстинктивно отодвинулись.

Ира отряхнула шубку от налипшего снега.

– Это быстро?

– Пять минут. Моя волшебная машина во-он за тем забором, видишь?

Ира молча кивнула, и Дед Мороз взял ее за руку. Через несколько секунд они скрылись из виду.

* * *

Маргарита Алексеевна с улыбкой смотрела на детей. Она всегда чувствовала неподдельную радость, когда видела их счастливыми, а именно сейчас они таковыми и были. С сияющими глазами дети вскрывали подарки, громко делились впечатлениями и обсуждали прошедший праздник.

Учительница выглянула в окно и увидела, как Дед Мороз со Снегурочкой прошествовали на улицу, по очереди взобрались в припаркованную у тротуара «Газель». «Вот работенка, –

подумала Маргарита Алексеевна, провожая взглядом отъезжающий автомобиль. – Жаль, пройдет пару лет, и эта малышня перестанет в вас верить...»

Маргарита Алексеевна с какой-то тревогой на душе оглядела класс, и ее взор остановился на разноцветном пакетике с подарком, одиноко притулившемся в углу стола. Учительница вспомнила про Иру, которую отпустила на улицу с Татьяной Леонидовной. Уже пора бы вернуться обратно.

Маргарита Алексеевна выглянула в коридор и, к своему изумлению, увидела, как Татьяна Леонидовна спешно удаляется от своего кабинета. Она окликнула пожилую учительницу:

– Татьяна Леонидовна, а с кем дети?

– Не волнуйтесь, они с Дедом Морозом, – махнула рукой женщина. – Я сейчас их заберу. И Антон за ними смотрит. А я хотела дверь проверить, думала, опять забыла, оказалось – запер...

– С каким Дедом Морозом?! – перебила ее Маргарита Алексеевна. – Он только что уехал! Он и Снегурочка! Я в окно видела!

– Как уехал? – прошептала Татьяна Леонидовна, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги.

Маргарита Алексеевна, как была в платье и туфлях, вылетела на улицу. За ней спешила задыхающаяся Татьяна Леонидовна, она проклинала себя за беспечность и молила бога, чтобы все обошлось.

Возле лавки стояли малыши, сбившись в испуганную стайку.

– Где Ира? – стараясь держать себя в руках, спросила Маргарита Алексеевна. Она обернулась к своей коллеге, которая тряслась от страха, как осенний лист.

– Боже... Боже, где же она, – бормотала женщина, оглядываясь. – Вот только сейчас тут сидели, господи...

– Они ушли вон туда, – наконец сказал один мальчик, вытянув руку.

– Вызывайте полицию, – бросила Маргарита Алексеевна и рванула в указанном направлении. Сначала она решила сообщить охраннику, но потом подумала, что может потерять время, тем более от этого вечно небритого придурка вряд ли будет польза.

Поскальзываясь, она выбежала из школьных ворот. Вокруг никого. Пошел снег, но учительница не чувствовала ледяных хлопьев, падающих на ее лицо.

– Ира-а-а! – закричала она.

Женщина пробежала с десяток метров вперед, потом метнулась направо. Показалось, что за углом мелькнули две фигуры, и она помчалась туда. Но ее ждало разочарование – это была пожилая пара пенсионеров, и никакую маленькую девочку или Деда Мороза они не видели.

Паника уже завладела учительницей, как вдруг прямо перед собой она увидела на снегу какой-то бесформенный предмет. Нагнувшись, подняла его и отряхнула от снега. Узнав, что это, она до крови закусил губу.

Это была шапочка Иры.

* * *

Из ежедневных сводок о чрезвычайных происшествиях.

«Вчера вечером, 28 декабря, стало известно об очередном исчезновении ребенка, восьмилетней Волчецкой Ирины. По поступившей информации из ГУВД было установлено, что девочку похитили прямо из школы, в которой она училась. По неизвестной пока причине учительница оставила детей с мужчиной, одетым в костюм Деда Мороза. Она отлучилась на несколько минут, но этого оказалось достаточно, чтобы похититель смог совершить свое дерзкое преступление прямо во дворе школы. Примечательно то, что классный руководитель девочки отпустил пропавшую школьницу на прогулку с параллельным классом.

В ходе дальнейшего разбирательства выяснилось, что в тот день в школе для младших классов был организован новогодний вечер, поэтому мнимый Дед Мороз ни у кого не вызвал подозрений. О происшедшем было сразу же сообщено в органы внутренних дел, но поиск по горячим следам ничего не дал. Очевидно, злоумышленник воспользовался машиной.

Официальные представители следственного комитета пока воздерживаются от комментариев, и вопрос, связано ли это преступление с предыдущими исчезновениями детей, которые так взбудоражили общественность, пока остается открытым.

В отделе следственного комитета сообщили, что в отношении учителя будет проведена соответствующая проверка и, возможно, она будет привлечена к уголовной ответственности за халатность...»

* * *

Ночью Алле привиделся кошмар. Ей снилось, что Иру никто не похищал, они помирились и сидят еще с несколькими одноклассниками у них дома. Бабушка испекла ее любимый сливовый пирог, а папа принес вкусный шипучий лимонад (он хоть и редко позволял Алле пить газировку, но этот случай был особенным – ведь впервые к Алле пришли домой ее новые друзья!).

И вдруг все дети куда-то исчезают, папа с бабушкой тоже, и они с Ирой остаются вдвоем.

«Ты больше не сердись на меня?» – спрашивает ее Ира. «Нет», – отвечает Алла, и они хохочут. Вместе с тем Алла чувствует, какая напряженность царит в комнате, будто они чего-то очень долго ждут, и это тревожное ожидание становилось невыносимым. «Я больше никогда не буду дразнить тебя, – говорит задумчиво Ира, будто бы сомневаясь в искренности собственных слов. – Прости меня».

Алла кивает, принимая извинения, трогает свою голову и вдруг с удивлением понимает, что на ней не ненавистный парик, а самые настоящие волосы! Не веря самой себе, она снова проводит пальцами по волосам и уже хочет как можно скорее сообщить эту новость своей бывшей завистнице, как неожиданно внизу раздается звонок. Кто-то пришел.

Ира подскакивает на месте, и Аллу озаряет улыбка – как же она могла забыть! Дед Мороз! Она видит, как меняется лицо Иры: «Не открывай!» Но Алла удивленно спрашивает: «Почему?» – «Это за мной... – шепчет Ира. Ее глаза наполняются ужасом, и она едва жива от страха. – Не открывай! Пожалуйста!»

Но ноги Аллы сами собой несут ее по ступенькам вниз. Как это «не открывай»?! Какой же Новый год без Деда Мороза?!

Трели звучат безостановочно, и Алла торопливо щелкает замком. На пороге никого, только в воздухе слабо мерцает какое-то непонятное пятно, или нет, это странное облачко из снежинок. Оно серебристо-свинцовое, в свете луны снежинки вспыхивают и тут же гаснут, как крошечные капельки ртути. И это загадочное облако движется, словно живое пульсирующее сердце, сжимаясь и разжимаясь, издавая при этом какие-то хлюпающие стоны.

«Не открывай!!!» – визжит наверху Ира, и Алла запоздало пытается захлопнуть дверь. Однако облако ловко проносится в дом, обдав лицо девочки колючим холодом, при этом быстро увеличиваясь в размерах. Алла, спотыкаясь, бежит наверх и на самой последней ступеньке оборачивается. Она заворуженно смотрит, как облако постепенно принимает очертания человеческой фигуры, и вот она уже видит Деда Мороза, того самого, который украл Иру, только на этот раз борода у него висит рваной паклей, одежда грязная и в дырках, а лицо... лицо... она видит только глаза, два пылающих злобой уголька и крючковатый нос, как у ведьмы. В руке Деда Мороза плотно набитый мешок, и из него что-то постоянно капает на пол. Что-то красное. В другой руке у него огромная пила, которой он медленно водит по перилам, издавая звук: «Жж-ихх... жж-и-ихх»...

«ПОИГРАЕМ В ПРЯТКИ, ДОЧКА?» – хрипит монстр, начиная подниматься по ступенькам. От фигуры несет гнилью, пила лениво ползет по перилам, оставляя на лакированной

поверхности грубые царапины, а мешок медленно раскачивается из стороны в сторону, взад-вперед, взад-вперед, как маятник на часах. Такие часы Алла видела в квартире у бабушки. Она кричит, но слышит свой голос где-то глубоко в себе, поворачивается и бежит по коридору.

«РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ... – носится хриплое эхо по спящему дому. – Я. ИДУ. ИСКАТЬ. КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, ТОГО... Я... СОЖРУ».

От этого жуткого голоса у Аллы подкашиваются ноги, и она буквально вваливается в комнату. Зовет бабушку, но бабушка лежит неподвижно, словно мертвая, почему-то вся в бинтах, и девочка видит только открытый рот, словно застарелая рана, над которым кружит рой мух. Видит в комнате Иру – насмерть перепуганную, та открывает шкаф и прячется внутрь.

Алла намеревается прыгнуть вслед за своей одноклассницей, но страшный голос совсем близко, уже слышны шаркающие шаги... Девочка падает на пол и закатывается под бабушкину кровать.

Злобно хохоча, Дед Мороз ковыляет к шкафу, будто с самого начала знал, куда спряталась Ира, распахивает дверь и выволакивает орущую от дикого ужаса девочку наружу.

– Я тебя нашел, противная девчонка, – клоочет жуткий голос.

Вопли заполняют все пространство спящего дома, и Алла тоже кричит, приказывая себе проснуться, но сон настолько реалистичен, что тончайшая грань, разделяющая бодрствование от сновидения, исчезает вовсе. Тело Иры неожиданно поднимается вверх, вниз головой, и она цепляется за ковер своими тоненькими пальцами. Снова крик. Перед Аллой что-то падает, и она вздрагивает. Это туфелька Иры. Только она не пуста – в ней ступня. Громадная рука в красной варежке подбирает ножку Иры и швыряет в мокрый от крови мешок.

– Это мне. А это – тебе, – ласково говорит Дед Мороз, протягивая извивающейся на полу Ире леденец на палочке.

– Алла! Алла, проснись! О господи, Андрей...

Девочка открыла глаза, увидев перед собой папу и бабушку.

– Дурной сон приснился? – испуганно спросила Елизавета Ивановна. Андрей взял на руки дочь, глядя по голове.

Они сели на кухне, и Елизавета Ивановна приготовила чай. Алле не хотелось пить, но она сделала несколько глотков, чтобы не расстраивать бабушку. Собравшись с духом, девочка рассказала увиденный сон. Андрей нахмурился.

– А еще мне приснилось, что у меня выросли волосы, – неожиданно сказала Алла, глядя в окно. Снова пошел снег, и она почему-то вспомнила о страшном облаке. Девочка поежилась.

– Иди к себе, Алюша. Я сейчас приду. И ничего не бойся, – сказала Елизавета Ивановна, поцеловав внучку в лоб.

Когда Алла ушла, женщина посмотрела на сына:

– Я же говорила тебе. Как в воду глядела. Мало того что этот изверг на свободе, так он до нашей школы добрался!

Андрей сцепил перед собой руки и сказал:

– В одну и ту же воронку снаряд не попадает.

Увидев, как побледнело лицо матери, он поспешно добавил:

– Прости, я, конечно, неудачно сострил, но что ты предлагаешь? Уехать отсюда? Так больных уродов везде хватает. Менять школу? Это все равно ничего не изменит!

– Не изменит? Что это за школа, из которой больной псих спокойно похищает детей? Где была охрана? Куда смотрела учительница? – повысила голос Елизавета Ивановна.

– Я выяснил ситуацию. Учителя действительно допустили халатность – одна «передала» девочку своей коллеге, а та оставила детей на несколько минут на улице без присмотра. Роковое, даже преступное, можно сказать, стечение обстоятельств. Понимаю, их ничто не оправ-

дывает, но многие ли из нас способны накануне праздника выявить маньяка, переодетого в Деда Мороза?

– Я не представляю, что переживают родители, – продолжала причитать Елизавета Ивановна. – Боже, куда мы катимся?

Она собиралась что-то еще сказать, но ее опередил зазвонивший телефон. Андрей сначала устремил взор в сторону доносящихся трелей, затем удивленно поглядел на часы:

– Интересно, кто это?

Елизавета Ивановна пожала плечами.

– Слушаю, – взял трубку Андрей.

– Белов... Это ты? – услышал он заплетающийся голос на другом конце провода.

Андрея всего передернуло. Звонила Вера.

– Привет. Что-то случилось? – сухо поинтересовался он у бывшей жены.

В трубке засмеялись.

– Ой, Андрюшка, ты не изменился. Адвокатишка, блин...

– Ты пьяна?

– Только бутылочку пива выпила, честное слово!

– Что тебе нужно? – теряя терпение, спросил Андрей.

– Где Алла? – закончив веселиться, полюбопытствовала Вера.

– Ты на часы смотрела?

– Нету их у меня, Андрюшка. Вчера поскользнулась и разбила.

– Она спит.

В трубке всхлипнули, потом Андрей услышал:

– На Новый год хочу к вам приехать.

– Нет, – отрезал Андрей.

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Вера.

– Тебе не стоит здесь появляться.

– Ой ли, Андрюша? – Голос Веры стал враждебным. – А кто мне говорил, что при разводе... ик! Я имею право видеться с ней, а?!

Андрей с силой выпустил через сжатые зубы воздух. Она права. И хотя он мог раз и навсегда избавить себя и своих родных от визитов этой женщины, он не станет этого делать.

– Андрюша... Пожалуйста. Я и вправду очень по ней скучаю, – голос Веры задрожал.

– Хорошо. Только одно условие.

– Ну? – насторожилась Вера, сразу перестав всхлипывать.

– Приедешь пьяная – тут же уедешь обратно. Если тебя нужно будет встретить, позвони заранее. Ждем 31-го, утром поедешь обратно.

– А почему нельзя на недельку остаться?

– Ты слышала, – жестко повторил Андрей и, не слушая прощальных слов, положил трубку.

– Вот уж не ожидал, – пробормотал он, вернулся на кухню и сообщил о звонке матери.

– Может, оно и к лучшему, – сказала Елизавета Ивановна. – Да и Алюша, поди, соскучилась. Не верю я, что она мать забыла.

* * *

– Мне сказали, что ты хотел мне сообщить что-то важное, – с одышкой проговорил тучный мужчина. Он был таких необъятных размеров, что казалось, будто в кресло он сел не самостоятельно, а туда его с силой втиснули, словно подушку в тесную наволочку. Только вместо наволочки на нем был китель с полковничьими погонами.

– Я хотел уточнить, как так получилось, что о моих делах теперь знает вся зона? – спросил Сергей.

И хотя он чувствовал себя неуютно в этом кабинете, сплошь завешанном охотничьими трофеями и сувенирными ножами, изнутри его распирала обида и злоба. Этот жирный хряк, Василий Иванович, по случайному совпадению оказавшийся тезкой легендарного комдива Чапаева, сидел, развалившись в кресле, и нагло ему улыбался, отчего Сергей с большим удовольствием заехал бы ему по физиономии.

– У тебя появились проблемы? – осведомился начальник колонии.

– Пока нет, но они обязательно появятся. Василий Иванович, не мне вам рассказывать, что делают с насильниками в местах лишения свободы.

– Ты ж говорил, что этого не было? – прищурился полковник.

– А вы считаете, мне поверят? – возмутился Сергей.

Василий Иванович заерзал, скрипя новехонькой кожаной обивкой.

– Что ты от меня хочешь? – раздраженно поинтересовался он.

«Поменяться с тобой местами хоть на пару дней, вот что я хочу!» – мысленно проговорил Сергей. Вслух же сказал:

– Если мне не изменяет память, у нас с вами был уговор.

– Какой уговор? – оживился полковник.

Сергей растерялся. Он вдруг подумал, что все козыри у этого толстяка – действительно, что он может ему предъявить? Особенно принимая во внимание социальные ступеньки, на которых они стоят?

Словно читая мысли заключенного, Василий Иванович зевнул и сказал:

– Римакин, я с тобой контракты не подписывал. И расписок не писал. Скажи спасибо, что до конца срока девственником проходил. Потерпи уж как-нибудь.

– Но постойте...

– Нет, это ты слушай, – остановил его полковник. – Кто мог предположить, что этот ваш Петруха все знает? Сам в курсе, как новости по колониям разносятся! Хочешь, честно? Я вообще считал, что тебя на следующий день вычислят. Но коль такое дело... я уже ничего сделать не могу. «Одиночек» у меня свободных нет, в УДО¹² тоже смысла нет – тебе через месяц откидываться.

– Через полтора, – поправил его Сергей, но Василий Иванович равнодушно махнул рукой.

– Ну, полтора. Какая разница?

– Для меня есть разница, – процедил Сергей. – Для меня каждая секунда здесь – офигенная разница.

– Римакин, ты дурак, что ли? – добродушно усмехнулся полковник. – Тебе что, персональную охрану приставить? Или амбарный замок на задницу повесить?

– Вам мало того, что я заплатил?

Василий Иванович окинул ээка изучающим взглядом:

– Знаешь, Римакин, есть такое выражение: «форс-мажор»? Так вот у нас с тобой именно тот случай. Но...

Полковник наклонился над столом, накрыв своей мясистой грудью разложенные бумаги.

– У тебя ведь двушка?

– То есть? – не понял сразу Сергей.

– Хата твоя? – сердясь на несообразительность заключенного, пояснил толстяк. – Ну?

– И что?

– Доверенность на одного человека подпишешь, тогда что-нибудь придумаем, – понизил голос Василий Иванович. – Разменяешь на комнату в коммуналке, не на улицу же тебя выкидывать. А все, что останется, – на нужды нашего учреждения...

¹² Условно-досрочное освобождение.

– Нет, – твердо сказал Сергей.

Брови полковника превратились в «домик».

– Нет?

– Жирновато будет, гражданин начальник.

Василий Иванович развел руками:

– Римакин, это твое право как гражданина России. Свободен.

– Но послушайте! Это же беспредел!

– Иди вон. Я предложил, ты отказался. Все, вали отсюда, я очень занят.

Он поднял трубку и нажал кнопку, приказав:

– Микулин, забирайте этого...

Через несколько секунд Сергея, растерянно-опустошенного, конвой вывел из кабинета.

А вечером этого же дня произошел разбор полетов.

Для этого Митя Ростовский даже слез со своего шконаря. Зяба поддерживал старого зэка, но тот кашлял и кашлял, не в силах остановиться. Наконец приступ немного уменьшился, и старик промолвил:

– Такие дела, Сергуня. Смотрящий поручил провести разбор по твоей теме.

Разбор оказался на удивление коротким. Претензии, точнее, предъявы к Сергею оказались те же – утаил истинную статью по своей «делюге». Раз утаил, значит, было чего утаивать. Правильный пацан всегда скажет, если его по беспределу под статью подвели, даже под «лохматый сейф», и если в этом потом разберутся, ничего ему не будет. Если было чего утаивать – значит, и взаправду насильничал. Раз насильничал – значит, виновен. Виновен – должен быть «опущенным». Таковы законы. И никаких поблажек, сочувствия и прочих соплей. Плюс ко всему придется держать ответ перед Зябой и Хомутом за то, что драку затеял. Все возражения Сергея в расчет приняты не были.

– Тому, кто подойдет ко мне «опустить», я перегрызу горло, – спокойно сказал он, когда «прения» были закончены.

Митя Ростовский ухмыльнулся:

– Куда ж ты денешься? Кстати, как тебя называть-то прикажешь? Предлагаю Дуней.

– Можно Светой, – предложил Зяба и ощерил свои поломанные зубы в ухмылке.

Сергей отошел к стенке, приготовившись к драке. Между тем Хомут взял со стола миску Сергея и точным ударом гвоздя проделал в ней дырку¹³.

– Про «весло»¹⁴ не забудь, – напомнил ему Митя Ростовский и, взглянув на Сергея, покачал головой. – Балда. Разве ж обязательно твой гудок¹⁵ расковыривать? Да тебя ночью Галя погладит, и ты «зашкваренный».

– Убью, – бросил Сергей, и смотрящий согласно закивал, будто имел дело с несмышленным ребенком.

– Ну, попробуй силы. Все равно «зашкваренным» останешься. Итак, объявляю. Отныне к нему, – он указал на сжавшегося в комок Сергея, – прикасаться можно «балабасом»¹⁶ или ногами, если ерепениться начнет. Трапезничать с нами он теперь не вправе. И трогать наши вещи тоже. Забирай свои тряпки со шконаря и вали к Галке, он по тебе уже скучает. Зяба, Хомут, можете спросить с него за то, что на вас кидался.

После этого Сергея избили. Он пытался сопротивляться, дрался, орал, звал на помощь, но все было бесполезно. С распухшей губой и тремя выбитыми зубами он стоял на коленях

¹³ По воровским понятиям, таким образом помечаются миски и ложки «опущенных».

¹⁴ Ложка (*жарг.*).

¹⁵ Анальное отверстие (*жарг.*).

¹⁶ Половой член (*жарг.*).

и тряс головой, как мокрая собака. Его тошнило, ребра ныли, череп трещал, но всю эту боль вытесняло осознание поражения. Все, он проиграл.

На четвереньках Сергей добрался до своей шконки, но туда его не пустили. Дрожащей рукой он нашупал свое полотенце и стал вытирать кровь с лица. Гогот Зябы заставил его вздрогнуть. Неужели снова бить будут?!

– Ну все, Светка. Теперь ты полностью «законтачен».

– Чего? – тупо спросил Сергей, морщась от боли.

– В твою утирку¹⁷ Галя дрочил, – сообщил он, широко улыбаясь. – Так что поздравляю еще раз. Как gritца, в полку вафлеров¹⁸ прибыло.

Сергей резко отстранил от лица полотенце, словно оно было пропитано кислотой. Галя? Он хотел броситься к «опущенному», но удар по голове отправил его в глубокую отключку.

* * *

После обеда Андрей выкроил свободное время и встретился с Татьяной.

– Привет, – улыбнулась она, целуя его в губы.

– Куда пойдем? – улыбнулся в ответ Белов.

– Сначала я хотела тебя попросить подкорректировать мою дипломную работу. А потом мне почему-то захотелось в баню. И вот я мучаюсь между выбором.

– Я бы тебе подсказал, но боюсь, ты обидишься, – засмеялся Андрей. – Впрочем, мы можем пойти в баню, и пока ты будешь париться, я быстренько проверю твои материалы.

– Я хочу тебя, – шепнула Таня, прижимаясь к Андрею.

Спустя час они расслабленно сидели на влажных простынях в уютной сауне, слегка уставшие, но довольные и счастливые. Такого ошеломляюще-бурного секса у Андрея не было давно. Даже Вера его не удовлетворяла так, как это получалось у Татьяны.

Девушка потянулась, словно кошка после сна, и, перехватив вожаемый взгляд Андрея, томно улыбнулась.

– Только не говори сейчас о своем дипломе, – произнес он, откупоривая бутылку минералки. – После того, что сейчас было, я не помню, сколько будет дважды два.

– Это комплимент?

Андрей в упор посмотрел на девушку:

– Таня, ты почти вдвое моложе меня. Я, конечно, пока не ощущаю себя старым пердуном, но, глядя на тебя, я постоянно задаю себе вопрос – почему ты до сих пор одна? И что ты во мне нашла?

– Ты считаешь, я сблизилась с тобой, чтобы получить повышение? – усмехнулась Таня.

– Я бы это сразу понял, – возразил Андрей, отпивая глоток минералки. – На карьеристку ты не похожа, хотя у тебя хорошие способности. Если ты продолжишь заниматься юриспруденцией, то многого добьешься. Но, как я считаю, нельзя гробить личную жизнь ради работы.

Таня мягко подвинулась к мужчине.

– Ты боишься обжечься еще раз после развода?

– Возможно, ты права.

Девушка вздохнула:

– Если ты думаешь, что я сижу ночами и мечтаю, как бы накинуть на тебя хомут, ты глубоко заблуждаешься, Андрей. Мы с тобой свободные и взрослые люди. В жизни не так много приятных моментов, к несчастью, я успела в этом убедиться. Да-да, у меня тоже был крайне неудачный опыт в личных отношениях, так что я в определенной степени тебя понимаю. Давай поступим просто. Мы ничего не будем друг другу обещать. И просто будем наслаждаться теми секундами, когда мы вместе. Тебе ведь хорошо со мной?

¹⁷ Полотенце (жарг.).

¹⁸ Синоним «опущенного» (жарг.).

Необычайно красивые глаза девушки с длинными ресницами смотрели прямо на него, и Андрей выдержал этот взгляд.

– Конечно, хорошо. Мы оба это знаем. Просто мне иногда жаль, что такая интересная и роскошная девушка, как...

– А вот жалеть меня не нужно, – перебила его Татьяна, и от ее голоса повеяло прохладой. – У меня все прекрасно, Андрюша.

– Не обижайся, – сказал Белов и обнял девушку. – Просто я почти ничего не знаю о тебе. Знаю лишь, что ты рано потеряла родителей и всегда рассчитывала только на свои силы. Знаю, что ты не была замужем и детей у тебя нет. Знаю, что ты любишь жареные креветки.

Они тихонько засмеялись.

– Если бы наши встречи были более частыми, ты узнал бы еще много интересного, – игриво сказала Татьяна. Андрей протянул руку, дотронувшись до амулета на шее девушки. Это была крошечная золотая акула с красиво изогнутым телом и разинутой пастью.

– Оригинальное украшение. Смотрю, ты его никогда не снимаешь.

– Это амулет на удачу. Такие делали давным-давно в Австралии, только из кости.

– Подарок? – спросил Андрей.

– Да. Ты ведь не ревнуешь?

– Я не в том возрасте, Таня, чтобы заниматься такой чепухой.

– Я любила этого мужчину. Но у него была семья. Он любил меня, но... он не мог принять тяжелое решение, а я не захотела ждать. Кстати, он писал книги.

– Про акул? – засмеялся Белов.

– Нет, мистику. И пару из них даже посвятил мне. А потом он куда-то исчез... – по лицу девушки скользнула тень воспоминаний.

– Амулет красивый, но цепочка, не обижайся, ерундовая. Я подарю тебе новую. Идет?

– Не откажусь, – улыбнулась Таня.

Помолчав, она спросила:

– Так как насчет Нового года? Мы могли бы слетать куда-нибудь на три дня.

– Мне нравится эта идея, – искренне сказал Андрей. – Но давай сделаем это в первых числах января. Идет?

– Договорились. Как твоя дочурка?

Андрей слегка нахмурился:

– Все из-за волос переживает. А тут еще такой шок с этим маньяком... Я ведь рассказывал тебе?

– Да, я слышала, что их одноклассницу похитили, – проговорила Таня. Она больше не улыбалась. – Никогда бы не подумала, что это случится у нас в городе. Когда же его наконец поймают?!

– Трудно сказать. Кстати, Чикатило тоже был родом из Ростова. А что касается поймать... Джека-потрошителя, который орудовал в Лондоне, так ведь и не нашли.

– Что-то мы какие-то мрачные темы затронули, – поморщилась Таня. Андрей посмотрел на часы.

– Что, уже пора?

– Нет. Иди ко мне, котенок.

Девушка обвила его шею руками, и их уста слились в поцелуе.

* * *

Приготовления к Новому году шли полным ходом. Алле сообщили о приезде мамы, и она отреагировала на это известие довольно сдержанно. Приедет так приедет.

Они с бабушкой развешивали гирлянды на елке, как в дверь кто-то позвонил.

«Мама», – промелькнула у Аллы мысль. Однако прямо перед глазами неожиданно возникло чудовищное облако из сна, превращающееся в страшного Деда Мороза, и девочка вздрогнула. «Это все глупости», – сказала она самой себе.

– Кто бы это мог быть? – удивленно спросила Елизавета Ивановна. – Для Веры рано-
вато...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.